

Олег Еремин

ДОРОГА В НЕБО

Книга третья. Работа над облаками

Олег Еремин

**Дорога в небо. Книга
третья. Работа над облаками**

«Издательские решения»

Еремин О.

Дорога в небо. Книга третья. Работа над облаками / О. Еремин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931746-9

Время: 2050—2063 годы. Место: Земля и космос. Наступает новая эпоха. На дворе 2051 год, а, значит, пора «засучивать рукава» скафандров и всерьез браться за обустройство нового космического дома Человечества. Впереди индустриализация Луны, развертывание первых больших станций на Марсе, гонка за астероидами. А для великих свершений нужны новые молодые космонавты и астронавты. Те, кто сменит уходящих в отставку старичков. Эта книга о них.

ISBN 978-5-44-931746-9

© Еремин О.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. СМЕНА	6
Глава 1. Проводы и встречи	6
Глава 2. Конгресс	8
Глава 3. Сложная порода	10
Глава 4. Названная сестра	13
Глава 5. Полет «Ласточки»	16
Глава 6. Забытый дом	18
Глава 7. Крым	22
Глава 8. Утечка	27
Глава 9. Первая	30
Глава 10. Друзья	34
Глава 11. Продолжая путь	36
Глава 12. Рэкетеры	40
Глава 13. Последствия	43
Глава 14. Долгая вахта	46
Глава 15. Обычные люди	53
Глава 16. Битва интеллектов	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дорога в небо

Книга третья. Работа над облаками

Олег Еремин

© Олег Еремин, 2018

ISBN 978-5-4493-1746-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. СМЕНА

Глава 1. Проводы и встречи

09.08.2051.

*Поселок Голубой Лес, Щелковский район,
Московская область. РСФСР.*

Я не поехала провожать тетю Хану.

Сама понимаю, что свинство. И что я совсем-совсем не хочу продолжать на нее обижаться. Что пора помириться с ней.

Все-таки уже больше года прошло.

Но я ведь упрямая. И... если бы обида была шутейной... Или шуточной?

Какая разница! Главное, что шутить на такую тему нельзя совершенно.

Год и три месяца назад, в тот черный день, Хана Хаякава не сделала того, что должна была.

Сквозь слезы, сквозь горе, разрывающее душу на клочки, я видела, как она мнетя. Как не решается подойти ко мне, обнять утешить.

И сказать просто: «Поехали со мной».

Тогда я этого не понимала, а лишь чувствовала каким-то звериным чутьем.

Но потом, когда боль спряталась глубоко во мне, я все разложила по полочкам и поняла, что тетя Хана, самый близкий мне человек кроме... Хана Хаякава – предательница.

Она просто обязана была меня удочерить. Пусть мне пришлось бы переезжать в Японию, пусть жить вместе с этим недоразумением – Андрейкой. Ничего, притерпелась бы. Может быть, даже научилась бы называть его братом.

Но Хана Хаякава уехала в свой Токио.

А меня попыталась удочерить совсем другая женщина.

Но тут уж я встала насмерть.

Извиняй, тетя Настя, но ты для меня только «тетя». И только опекунша.

Нет, я не испытываю к ней и дяде Игорю неприязни. Они хорошие люди. Добрые, заботливые. В меру строгие. И относятся ко мне лучше, чем родители ко многим моим одноклассникам. Да еще и знаменитые до невозможности...

Чересчур знаменитые. У нас в школе учится целая куча детей космонавтов, но даже на их фоне на меня чуть ли не приходят поглядеть, как на невиданную зверушку.

Ну да, воспитывается такими легендарными личностями. Да еще и дочь...

Не могу об этом. Простите, до сих пор не могу о маме и папе. Слишком больно.

Но, что бы ни было, и как бы не крутило меня, я все-таки остаюсь Майей Рёковной Камэнаси и никем другим никогда не стану! Даже если выйду замуж в необозримом будущем, оставляю эту фамилию в память.

Так вот, в Танэгасиму – это японский космодром – я не поехала. И Тетя Хана с дядей Федей улетели на свою Лютетию без меня. Надолго. Когда они вернутся, через три года, мне будет уже шестнадцать. Я повзрослею и поумнею. Надеюсь. И постараюсь приехать их встречать.

А пока я сижу одна в... нашем двухэтажном доме и доделываю подарок тете Насте.

У нее позавчера день рождения был. По комму я ей звякнула и поздравила, но подарок – это особое! Я его, естественно, изготовила заранее, но всегда все можно улучшить. И если ты

одна в пустом доме, да еще и на каникулах, то лучше всего заняться каким-то творчеством. А мне всегда нравилось делать что-нибудь своими руками.

Я критически оглядела напечатанный на 3Д-принтере домик. Тщательно разукрашенный, с встроенным в сердцевину теплым желтым светодиодом, с прозрачными оконцами, на которых я только что аккуратно-аккуратно нарисовала белым маркером снежинки. Вот бы еще сделать, чтобы дым из трубы шел! Но нельзя. Никакой пиротехники! Я обещала сохранить дом в целости и сохранности.

И, что приятно, мне поверили.

Ма... Тетя Настя категорически против домработниц и воспитательниц. За это я ей благодарна. Видеть постоянно еще одну чужую рожу – ну уж дудки! Лучше я сама лишний раз робо-уборщика потаскаю с этажа на этаж. И «мужскую работу» дядя Игорь все больше мне доверяет. У него на это времени не хватает, а нанимать работников он не любит также, как и тетя. Поэтому потихоньку обучает меня управляться с инструментом, и даже разбираться в электричестве и управлять парочкой универсальных станков, что стоят у нас в подвале.

А еще я неплохо готовлю. Еще... мама и бабушка научили. Тетя Настя с дядей Игорем вечно на работе задерживаются допоздна, так что я их кормлю, как какая-нибудь крепостная девчонка. А тетя Настя, между прочим, очень любит вкусно покушать, так что тут на отвязись не скулинарничаешь.

Так. Что у нас со временем? Ой-ёй-ёй! Вот-вот приедут! Надо скрыть следы трудовой деятельности.

Переставляю домик с расстеленной клеенки на стол. Эту самую клеенку – в охапку и на крыльцо.

На дворе темный августовский вечер. Первые звезды в темно-синем небе, шуршание листьев на ветру.

И приятный лесной воздух!

Хорошо, что наш дом расположен в такой вот глуши. В поселке Голубой Лес. И, что прикольно, при этом до Звездного по тропинке всего минут двадцать неспешным шагом, или десять на лыжах. И еще столько же по городку до моей школы имени Владимира Комарова. Красотень.

Я запихала клеенку с обрезками пластика и пятнами краски в бак для синтетических отходов.

Свинство, конечно, так к вещам относиться. Тё-Настя меня бы за это поругала, и правильно сделала.

Но конспирация превыше всего!

Постояла пару минут на крыльце, дыша и смотря, и вернулась в уют... своего дома.

Я уселась в прихожей перед экран-стеной, включила ее и принялась бесцельно лазить по сети.

Но буквально через пять минут услышала тихий шорох подъехавшей машины, бряканье, голоса.

Махнув рукой, погасила стену и зачем-то встала, выпрямилась.

– Заходи, не робей! – это голос тети. Интересно, кому это она?

Дверь распахнулась и на пороге показалась тетя Настя, как всегда подтянутая, изящная и очень домашняя одновременно.

А за плечи она обнимала темноволосого мальчика года на два младше меня.

– Проходи, Андрей, это будет твой новый дом на ближайшие три года! – серьезно сказала Анастасия Мыскина и подтолкнула мальчика вперед.

– Здравствуй... – неуверенно поздоровался он со мной.

– При-ивет, – протянула я и чуть ли не взвыла про себя: «Ну вот! Случилось самое худшее! Мне придется обитать в одном доме с Андреем Мисаловым-Хаякавой!»

Глава 2. Конгресс

23.09.2051.

Сорбонна, Париж, Франция.

– Очень рада видеть тебя здесь, девочка! – Николь Венсан тонко улыбается, отчего сеть морщинок возле глаз обрисовывается еще четче.

– Я тоже, учитель! – отозвалась Элен.

– Полноте! Мы теперь с тобой коллеги. Меня, кстати, очень порадовала твоя докторская диссертация и статьи в «La vie de l'océan». Весьма зрелые работы, интересные и имеющие практическое применение. Правда, скорее там, чем здесь, – пожилая ученая указала изящным пальцем в потолок. – Кстати, ты когда намереваешься на свой Марс отправиться?

Элен чуть потупилась, но через секунду взглянула на мадам Венсан с некоторым вызовом:

– Надеюсь, что скоро. Я заканчиваю собирать документы и готовить портфолио для подачи в Космическое агентство.

– Рада слышать. И, если тебе нужна моя рекомендация, я с удовольствием напишу. Я, знаешь ли, имею определённый вес в научных кругах.

– Замечательно было бы! – не стала менжеваться молодая женщина.

– Вот и прекрасно. Кстати, а как к этому отнесся Клод?

– Никак, – Элен отвернулась, но не смогла скрыть легкой гримасы.

– Все так плохо? – осведомилась Николь.

– Да, – кротко ответила Элен, но все-таки продолжила: – Он ни в какую не хотел, чтобы я уходила из Океана. Мы много спорили, ругались. Ругались все больше и больше. И мне надоело все это. Для Клода на первом месте морские глубины, на втором и третьем тоже.

– Значит, не сложилось?

– Увы, – Элен тяжело вздохнула. – Мы полгода как развелись.

– Понятно. Ладно, зато тебя на Земле больше ничего всерьез не удерживает. Удачи тебе!

– Спасибо, мадам Николь!

– Но я тогда не совсем понимаю, почему ты записалась на участие в конгрессе? Это ведь уже не твоя тема.

– Я ученый и человек все-таки. Мне очень интересно доклады послушать.

– Можно подумать, ты не знакома с ситуацией и основными работами.

– Всегда лучше услышать ученых, чем читать их статьи, – не согласилась Элен. – И, раз уж я оказалась в Париже, то почему бы и не пойти? И еще одна запись в портфолио не помешает.

– Хитрая, – усмехнулась доктор Венсан. – Но, ты права, конгресс может стать историческим, и стоит посмотреть на то, что происходит, своими глазами.

– Вы думаете, он будет иметь последствия?

– Разумеется. Сейчас такие конгрессы проходят по всему миру. Ученое сообщество вырабатывает свои рекомендации для экологического саммита в Токио. И нам есть что предложить!

– Вы о работе месье Родольфа Пари?

– Несомненно. Его плантации водорослей уже связывают до двух тысяч тонн углекислоты в год.

– Ага, всего сто тысяч таких плантаций, и мы будем утилизировать столько же, сколько человечество выкидывает, – скептически заметила Элен. – В настоящее время выкидывает, потому что выбросы опять растут из-за Африки.

– Ну, это уже дело большой политики. Если мы всем миром поможем черному континенту, построим там сеть атомных и термоядерных электростанций, солнечные станции в Сахаре...

– Будем их кормить с ложечки, чтобы негры перестали вырубать под корень тропические леса...

– Злая ты, – рассмеялась Николь. – И неpolitкорректная. В Германии тебя за такие слова в тюрьму бы упрятали. Нет, я думаю, что с тропическими лесами нам придется распрощаться. Хорошо хоть в Сибири и Канаде с тайгой все нормально. Но делать что-то надо и очень срочно. Ты слышала, что наш любимый атолл Увеа собираются насыпать? Наружную, западную сторону на два метра будут поднимать, а то она уже основательно сократилась в размерах. А так на век может быть хватит.

– Думаете, океан поднимется так сильно?

– А ты прогнозы доктора Армана Жиру не читала? – удивилась женщина.

– Читала, но мне кажется, они слишком чернушные. С начала века океан поднялся всего на двадцать сантиметров, а считали, чуть ли не на сорок-пятьдесят будет.

– Это скажи спасибо микроледниковым периодам в северной Атлантике и двум большим войнам! – запальчиво возразила мадам Венсан. – Но эффект от ядерной зимы после пакистанской уже почти сошел. Сейчас темп поднятия – шесть миллиметров в год, и растет на три десятых миллиметра с каждым годом. Так что, если ничего не делать, до метра к концу века океан поднимется. А это уже куча затопленных территорий.

– Ну... может быть, – чуть скептически сказала Элен.

– Помяни мои слова, когда в Токио примут жесткие меры! Смотри, как бы и полеты в космос не ограничили.

– Надеюсь, я все-таки успею на Марс слетать, – чуть резковато отозвалась Элен.

– Я тоже, девочка, надеюсь, – вздохнула мадам Венсан. – Ладно, извини, мне надо бежать. У меня доклад через час. Ты же придешь послушать старушку?

– Обязательно, мадмуазель Николь! И вовсе вы не старушка. Просто чудесно выглядите!

– Маленькая подлиза, – широко улыбнулась женщина. – Ну, до встречи!

Глава 3. Сложная порода

18.11.2051.

*Город Грантс, штат Нью-Мексико,
Техасская конфедерация, Американский Союз.*

«Человек предполагает, а Господь располагает».

Гэрри никогда не был особенно набожным, хотя и писал в анкетах, что является баптистом. Но то, что судьбой управляет фатум или чья-то высшая воля, в своей жизни убеждался не раз. Причем, у этого кого-то было весьма своеобразное чувство юмора.

Почему, например, его одноклассники, не блещущие особым умом и еле-еле допущенные до выпуска старшей школы, почти все поступили в колледжи и университеты, а он – почти круглый отличник – нет?

Попытка стать студентом Техасского технологического закончилась провалом.

Парень вернулся домой в мрачнейшем расположении духа.

А тут – отец!

– Нет! Ты пойдешь в военно-морскую академию! Это не обсуждается! Я дал тебе шанс самому выбрать специальность, но ты оказался никчемным бездарем! Значит, теперь моя очередь взяться за твою жизнь, отволочь твою ленивую ж... пу в нужное место, отвесить ей полновесного пинка и заставить стать человеком!

Ну, разве можно такое стерпеть? Особенно, ощущая свою несостоятельность и некоторую правоту родителя?

Гэрри не смог. Он, молча, прошел в свою комнату, подхватил с пола сумки, с которыми ездил в Лаббок, не говоря ни слова вышел из дома, закинул поклажу в багажник старенького форда, выдернул зарядку электрокара из распределителя, уселся за руль и поехал куда глаза глядят.

Глаза юноши глядели на запад.

А запала злости, обиды и упрямства хватило очень надолго. Аж до Альбукерке. Но унылые бурые пустоши с редкими кустами и кактусами как будто выпили из души все эмоции и негативные и положительные. Запал угас и в город Гэрри въехал в каком-то сонном отрешении.

Как только парень поселился в мотеле, он достал свой нотик, растянул экран, тыкнул пальцем в название города и хмуро скомандовал:

– Колледжи и университеты, в которых еще не закончился набор.

Просмотрел коротенький список, выбрал Горнопромышленный и потребовал от компьютера:

– Подготовь необходимые документы и отправь туда. Все равно, на какой факультет.

И через две недели Гэрри Дункинс стал студентом факультета горнопроходческого оборудования.

Как это ни странно, но выбранная таким вот образом специальность Гэрри понравилась. В ней была и техника: мощная, сложная, и геология, и кибернетика. Последней было весьма много, потому как одним из основных работодателей была «Объединенная урановая компания», владеющая рудниками к западу от Альбукерке. А там трудились роботизированные агрегаты, в которых требовалось очень основательно разбираться.

Гэрри, закончив с отличием бакалавриат, отправился в небольшой городок Грантс, расположенный на высокогорном полупустынном плато.

Про себя юноша скептически подумал, что «внешне это очень напоминает Марс. Так что буду понарошку марсианином». Может быть, подобные мысли и позволили ему полюбить

природу этого края. Ее каменные осыпи и сглаженные холмы под бескрайним очень ярким небом.

Гэрри сидел в операторной шахты и управлял подземными механизмами. Было скучно и лениво. За соседним монитором устроился его помощник – техник по оборудованию. Джошуа был уже в возрасте. Его желтоватое плоское лицо испещряли глубокие морщины.

«Все-таки, он индеец или азиат?» – с легким любопытством подумал Гэрри.

Парень не был расистом. Отцовский ремень в детстве выбил из него интерес к ку-клукс-клану и подобным организациям. Но и толерантностью чрезмерной он не страдал. Само это слово, чуть видоизмененное до «толерастии» давно уже стало в Техасской конфедерации презрительным ругательством, которое прикипело к бывшим «янки» – жителям североатлантического побережья. В новостях любили рассказывать, как они там извращаются и вымирают.

Да с рождаемостью там, и правда, очень погано. Не помогают даже совершенно дикие законы, разрешающие вынашивать детей в инкубаторах. Очень мало кто хочет брать на себя ответственность за воспитание детей. Зачем, когда вся жизнь – погоня за успешностью и неограниченными развлечениями.

Спасал северян только союз с «Черным пятном» – Южноатлантической конфедерацией. Негры все еще любят размножаться, хотя и их всюю поедает «общечеловековая» гниль.

Ну и Бог с ними со всеми. Главное, что в Американском Союзе население растет, что еще раз доказывает, кто именно является наследником величайшего государства мира.

И этому государству все так же нужен уран.

Термоядерные электростанции – дело будущего. Первая опытная уже достраивается, но Америка все-таки отстает от лидеров термоядерной гонки – Китая и России – на несколько лет. А только что принятый в Токио «Всемирный экологический Кодекс» требует сократить до минимума сжигание природного топлива. Значит, и дальше будут строиться атомные электростанции, для которых нужен уран.

Вот только его в шахте Грантса осталось совсем мало.

Геологи, правда, вроде как обнаружили еще одну жилу. Но ее будет очень сложно разрабатывать. Паршивейшая морфология в том направлении. Да и с нынешним оборудованием не особенно развернешься.

Все управление по кабелям, потому как порода сильно экранирует радиоволны. А это приводит к очень плохой мобильности.

За спиной прошуршала открываемая дверь.

Гэрри обернулся.

В операторную вошел молодежавый подтянутый господин в строгом костюме.

– Добрый день! – поздоровался он и тут же осведомился: – Вы Гэрри Дункинс?

– Да. С кем имею честь говорить?

– Алан Джексон – заместитель начальника сектора инноваций, – представился вошедший.

– Очень приятно! – Гэрри умел показать хорошее воспитание. Жизнь сына мэра вынуждала уметь себя вести.

– Разблокируйте свой коммуникатор, – не тратя времени на беседу, потребовал Алан.

Гэрри растянул экран, открыл сетевые подключения и увидел красную помигивающую надпись: «Инновации». Удивился максимальному уровню безопасности и разрешил компьютеру функционера компании доступ в свое пространство.

Пальцы Алана пропорхали над экранчиком наикрутейшего комми и к Гэрри переключалась зашифрованная папка.

– Вот ключ, – господин в костюме передал молодому инженеру небольшой брелок. – Предупреждаю, материалы строго секретные. Коммерческая тайна высшего приоритета. Сами знаете, что с вами будет, если сведения уплывут на сторону.

Гэрри кивнул. Ему было не по себе. И, одновременно, ужасно любопытно, что все это означает?

– Здесь спецификация на новое оборудование. Оно скоро поступит на вашу шахту. Разберитесь как следует. Именно вам мы поручаем работу с ним. Разумеется, за отдельную и очень солидную оплату. Согласны?

– Да, – не раздумывая ответил Гэрри. Он был сильно обескуражен безапелляционным напором гостя. Но, в то же время, ему понравилась его предельно деловой способ общения. Ни одного лишнего слова. Интересная манера управления в компании.

– Тогда до свидания!

И представитель компании, резко развернувшись, вышел из операторной.

Гэрри переглянулся с Джошуа. На мгновение молодому человеку показалось, что в глазах пожилого азиата – или индейца? – мелькнула острая сталь. Наверное, показалось.

Глава 4. Названная сестра

05.12.2051.

*Поселок Голубой Лес, Щелковский район,
Московская область, РСФСР.*

Андрейка сидел за столом и играл в пластилиновых человечков. Он налепил их целую кучу и разыгрывал целые представления.

Сейчас это были пираты. На головы человечкам Андрей насадил пластилиновые же треуголки, а в руки вставил вырезанные из полосок пластика маленькие сабли и кинжалы.

На берегу океана шла нешуточная схватка между капитаном Костяная Нога и его вечным врагом – английским пэром Джоном Бульбулем. Андрейка играл честно, делая каждым из своих человечков за раз не больше одного движения. Сабли чертили воздух, пистолеты стреляли, сраженные бойцы падали на золотой песок, а злая пиратская юнга Анфиса кралась к вражескому кораблю, чтобы подорвать его пороховой трюм.

– Ты точно все уроки сделал? – противным голосом осведомилась Майка, валяющаяся с нотиком на втором ярусе кровати.

– Точно, – пробурчал Андрей.

– А если проверю?

– Ну, Май, дай доиграть, пожалуйста! – взмолился мальчик.

– Ребенок, – вздохнула с явным презрением девочка и уткнулась в виртуальный мир.

Уроки Андрей сделал не все. Так что придется, когда закончит пиратскую битву, опять доставать ненавистный русский. До чего же нудный и сложный предмет! Дома в Токио он был гораздо проще. Но школа, в которую ходил Андрей, была всего лишь с углубленным изучением языка северо-западного соседа.

Андрей подумал, что опять повторяется то же, что было четыре года назад.

Тогда мальчик, все свои шесть лет проживший в России и воспитывавшийся гувернанткой – тетей Леной, переехал жить с родителями в Японию. И буквально через два дня пошел в первый класс.

Первый класс японской школы!

Почти не зная языка.

Дома всегда говорили на русском, а последние два года, пока мама летала к Юпитеру, так и вообще ни единого японского слова не звучало!

И как тут учиться?

Да еще Андрей поступил в школу спустя месяц после начала занятий.

Это был форменный кошмар!

Домашний мальчик, никогда не ходивший в детский сад, в незнакомой стране, с болтающими по-своему одноклассниками...

Если бы Андрей унаследовал от своей родительницы характер, то, наверное, легко бы освоился и превратил свои недостатки в преимущество. Тем более что и так на него все поначалу чуть ли не молились – сын великой Ханы Хаякавы – самой знаменитой японской космолетчицы!

Но дети очень быстро разбираются в людях, и вскоре на вопросы своих друзей и родителей: «Ну, какой он?!», они стали с презрением ронять: «рохля, дурак, никчемный» и прочие нелестные эпитеты.

Так и повелось. Друзей Андрей за четыре года так и не завел. Учебу кое-как вытянул, но весьма посредственно. Из кружков выбрал самый безобидный – рисование. Но и там особых успехов не достиг. Было ясно, что ни великим художником, ни, тем более, мангакой, ему

не стать. Хотя, свою первую мангу про потерявшегося щенка он нарисовал в третьем классе. И никому ее не показывал, кроме папы.

Отца Андрей любил гораздо больше, чем маму. Хана не то, чтобы совсем не обращала внимания на сына. Нет, она иногда любила с ним потетёшкаться, но такое находило на нее редко. Да и заняты родители были всегда очень сильно.

Пожалуй, единственными по-настоящему приятными воспоминаниями с того времени остались походы, которые они довольно часто совершили всей семьей. Жить на природе было удивительно хорошо, даже не смотря на очень тяжелые нагрузки. Но совершенно неспортивный мальчик стойчески их переносил ради возможности посидеть с родителями у ночного костра или искупаться в пронзительно чистом и холодном горном озере.

Большую часть времени, не занятого скучными домашними заданиями, мальчик проводил играя. Он придумывал разные истории или разыгрывал те, что видел в фильмах или слушал в книжках. Отец, когда у него было время, по вечерам читал сыну. Это было самое замечательное время! А потом Андрей отыскивал в сети аудиокниги. Читать бумажные книги он почему-то так и не полюбил. А вот так, поставишь себе «Капитана Блада» и разыгрываешь то, о чем слушаешь.

Андрейка посмотрел на своих пластилиновых пиратов.

Бой подошел к концу. Раненый пэр Бульбуль бежал, а противную Анфису поймал корабельный кок, отшлепал и выгнал с фрегата.

Андрей залепил проткнутые саблями тела и бережно сложил свое универсальное воинство в коробку.

Тщательно стер со стола следы пластилина.

Да, мальчик старался быть аккуратным. Раньше дома всегда была прислуга, но здесь все приходилось делать самому, а Майка следила, чтобы свою часть работы он выполнял безукоризненно. И, если что, могла и подзатыльник отвесить.

Конечно, она уже не лупцевала его, как в «давнем детстве», но, все равно.

Майя была на два года старше Андрея и прежде они очень часто играли вместе. Вернее Майка заставляла играть податливого и боязливого мальчика в то, что ей нравилось. Его родители дружили с семьей Камэнаси. Те регулярно наезжали в Японию, а он с мамой и папой в Россию, и, пока взрослые общались, детей предоставляли самим себе.

А потом, полтора года назад...

Дядя Рёка, тетя Даша и маленькая Хикару возвращались из Японии.

Майю в ту поездку с собой не взяли, она заканчивала шестой класс, умудрилась получить в третьей четверти хиленькую тройку по геометрии и была оставлена дома грызть гранит науки.

Самолет разбился при посадке.

Родители Андрея вылетели в Москву на похороны, а сын остался в Токио.

Ему было очень жалко Майю, но он опасался, не возьмут ли ее в их семью. Если честно, то мальчику этого не хотелось. Заиметь такую противную старшую сестру было бы паршиво. Он сам себя ругал за эти мысли, но ничего не мог с собой поделать. Но мама не удочерила Майю. Она очень любила девочку, иногда Андрею казалось, что сильнее, чем его. Но не решилась взять на себя ответственность. А, может быть, специально подтолкнула свою лучшую подругу и соратницу по космическим экспедициям – тетю Настю, у которой после серьезного облучения и тяжелой операции не могло быть своих детей, забрать к себе сироту.

С тех пор Андрей и Майя не встречались.

Когда родители улетели на долгие три года к астероиду Лютеции, Андрей надеялся, что его оставят под присмотром домработницы. Но, увы...

– Отправишься к Мыскиным, поживешь у них, – сообщила мама, и Андрей почувствовал, как в животе возник неприятный холодный комок.

Он попытался возражать, но с мамой это было бесполезно.
И вот он здесь, в России.

А вот теперь представьте. Мальчик, который четыре года учился в японской школе, идет в пятый класс русской гимназии с углубленным изучением точных наук. По которым у Андрея, если переводить на российские оценки, всегда были только тройки. Да и русский язык он сейчас знает весьма паршивенько, совсем не так хорошо, как местные жители.

Жесть и мрак.

Именно такими словами он думал, когда, достав бумажную тетрадку, принялся выводить на ней строчки упражнения. Здесь заставляли писать от руки – то еще извращение во второй-то половине двадцать первого века!

Глава 5. Полет «Ласточки»

12.03.2052.

На орбите астероида Лютеция.

– Интересно, как там наш сын поживает? – подумал вслух Федор.

– Да нормально! – отозвалась жена. – Он же у Наськи и Игоря. У них заботливости и родительского инстинкта побольше, чем у нас, балбесов!

– Это да, – самокритично высказался планетолог. – Но там еще и Майя. Я помню, в раннем детстве они с Андреем не особенно ладили.

– А что Майка? Классная девчонка! – не согласилась Хана. – А сильная рука, или нога для отвешивания «волшебного пенделя», нашему изнеженному созданию не повредит. Не волнуйся, Федя, там все будет в ажуре!

– Мне бы твой оптимизм, – тихо пробормотал космолетчик Мисалов и опять навис над приборами.

Маленький кораблик «Ласточка» неспешно пролетал над очередным «интереснейшим геологическим районом». Сейсмозондирование, так качественно и результативно проведенное ими же десять лет назад, выявило целую кучу перспективных зон поиска.

Начиналась тяжелая и сложная, но такая интересная и нужная работа.

К Лютеции десятерых первых жителей «колеса» «Консоуми» доставил... переделанный в пассажирский лайнер, «Королёв».

Да, два корабля: грузовик и пассажирский «Королёв», специально изготовленные для экспедиций к Юпитеру, «Росскосмос» передал в аренду на девять лет «Джаксе». Японцы переделали планетолет, заменив противовесы на гораздо большие по размеру – все-таки к астероидам кроме четверых космолетчиков команды должны были доставлять еще и по десять пассажиров.

Когда Хана узнала, на чем ей предстоит лететь, она только вздохнула и сказала Федору:

– Точно, как Наська говорила. Наш полет на Европу был чистой политикой. Рано еще людям планеты-гиганты осваивать.

– Я тоже так думаю, – согласился муж. – Лет через пятнадцать-двадцать, не раньше.

– Ага. Да еще и эти ограничения на космические пуски. И зачем было так торопиться, если сейчас будем сидеть на Луне, да Марс с астероидами потихоньку ковырять?

– Не, Ханусь, ты не права! – заступился Федор. – Дел невпроворот! Нам тут добычу и производство организовывать. На Луне не просто колупаться, а строить настоящие заводы. А Марс так вообще столько всего потребует! Если к этому добавить еще Юпитер с Сатурном, да Венеру с Меркурием, то точно надорвемся и остатки экологии на Земле загубим. Да и просто не хватит ресурсов. Вон, на ваш полет к Европе четыре года ксенон копили, покупали у всех, кто мог его производить.

– Но сейчас-то все движки на магнии разрабатывают! – возразила Хана.

– Но первое время его все равно с Земли возить будут, пока металлургические заводы на Луне не запустят.

– Да понимаю я все! – повысила голос японка. – Но так хочется еще отправиться куда-нибудь подальше и поэкстремальнее! А то торчать два года на этом колесе, может еще разок на него же слетать, и все, что ли?! Я хочу подвигов!

– Можно подумать, что сейчас ты не подвиг совершаешь, – улыбнулся Федор. – Кстати, дорогая, а не пора ли тебе заняться стыковкой.

– Ой, не наступай мне на любимую мозоль! – скривилась Хана.

Да, стыковка с «колесом» была самой неприятной для нее процедурой.

Потому что... она была полностью автоматической!

Ну не доверяли даже ей, пилоту экстра-класса, этот маневр.

Поэтому Хана, подведя кораблик к заданной зоне, включила автоматику и, откинувшись в ложементе, скрестила руки на груди, всем видом показывая, что: «ну и фиг с вами!»

С другой стороны, безделье позволяло насладиться картинкой.

Двадцатиметрового диаметра бублик неторопливо поворачивался на обзорном экране, занимающем почти весь потолок «Ласточки». От центрального блока, как в настоящем колесе, шли четыре толстые спицы – трубы переходов.

Сам центральный блок состоял из длинного цилиндра технических модулей, где хранились припасы и размещалась часть оборудования. С одной стороны, обращенной вниз, к Лютетии, находился стыковочный модуль, к которому сейчас подруливал маленький кораблик. А с другой размещалась решетчатая конструкция, в которую были вплетены баки с кислородом, водой, топливом и прочими запасами. И венчал все это сооружение расположенный в доброй сотне метров от человеческого жилья и прикрытый от него оборудованием компактный ядерный реактор.

«Ласточка» зависла прямо напротив стыковочного узла, сориентировалась «попой кверху», как сказала бы Настя, и начала вращаться, чтобы совместиться со станцией по фазе.

Когда звезды закружились, а «колесо», наоборот, замерло, кораблик медленно подплыл к узлу, ткнулся в него задницей, где, между широко расставленных в стороны четырех маршевых двигателей, располагался шлюз.

Вообще, «Ласточка» больше напоминала ту самую загадочную «крокозябру», которой обозвала ее та же Настя Белякова, а ныне Мыскина.

Усеченный конус жилого отсека был обвешан шарами с топливом и окислителем: кислородом и водородом. А снизу, между растопыренных в стороны сопел, торчал вырост шлюза со стыковочным узлом на нижнем срезе и люком в боковой стенке. Через этот самый люк космонавты выбирались на поверхность Лютетии, или, во время перелета, в открытый космос.

А давление тем временем уравнилось, и Хана, отстегнувшись от кресла, поплыла домой, на станцию.

– Дуешься? – спросил Федя.

– Ага, немного, – согласилась японка, и пояснила: – Летали мало, и по астероиду хочется пробежаться своими ногами.

– Ничего, еще напрыгаемся, – утешил ее муж. Только прилетели, все лишь начинается!

Глава 6. Забытый дом

17.05.2052.

*Город Николаев, Николаевская Республика,
Новоросская Конфедерация.*

Отвык Станислав Бойченко от Новороссии.

За пять лет учебы в Центре подготовки космонавтов он так ни разу не съездил на Родину. Отпуска проводил с друзьями по отряду космонавтов, исколесив при этом чуть ли не всю Россию.

И даже ездил в Индию к Кэйлаш и Тимуру. Старые друзья, правда, были заняты выше головы. Тимур работал в Институте искусственного разума у Кирана Чаудхари и одновременно обучался в Институте Космонавтики. Кэйлаш разрывалась между маленькой дочуркой, которую родила три года назад, и подготовкой в составе экспедиции к комете Чурюмова-Герасименко. Разумеется, Славик на недостаток внимания жаловаться не стал, а самостоятельно поездил по стране, полюбовался старинными развалинами и новыми сверкающими городами.

Индия походила на друзу кристаллов, что растут на грязной заплесневелой почве. Современные городские районы и скоростные трассы расползались по морю унылых глинобитных халуп, заводы и университеты соседствовали с древними храмами, роботизированные сельхозпредприятия отодвигали на окраины, возделываемые вручную поля и огородики. Страна, будто змея, сбрасывала старую кожу, и выползала на свет в новой блестящей под солнцем чешуе.

Неторопливо и мощно, хотя и не так быстро, как сосед с северо-востока, который давно уже превратился в «Империю чудес», но при этом опять замкнулся в самодовольной гордости.

Но это были отпуска. А сейчас, после окончания подготовки, получив из рук Игоря Мыскина значок космонавта, он получил от того же руководителя центра подготовки и совет:

– Съезди, все-таки, домой. Не стоит обрывать свои корни.

– Да я и не обрываю. Просто... у меня там не очень много этих корней осталось, – немного сумрачно сообщил Станислав своему наставнику и самому любимому преподавателю.

– Я в курсе, – кивнул тот, – но они все же твоя семья. Не повторяй ошибок... одной моей знакомой, которая до сих пор жалеет, что совершенно прервала связь с отцом и даже на похороны не поехала. Да и я со своими стариками последние их годы почти не виделся. Учеба, война... Повидайся.

– Хорошо, – нехотя согласился Станислав. – Но... Я гораздо больше хочу дедушку и бабушкой навестить.

– Они на Украине?

– Да. Я спрашивал у местных безопасников, но те разводят руками: я все-таки гражданин Новороссии и решать должны наши КГБшники.

– Попробуй с ними поговорить, – вздохнул Игорь Викторович. – Если я могу в чем-то помочь, скажи. Ну, там, поручиться, или еще как.

– Спасибо, – немного натянуто улыбнулся Славик. – Если что, я к вам обращусь.

Город Николаев все больше походил на столицу республики. Небольшой, но гордой и немного болезненно самолюбивой.

В центре почти не осталось старых одноэтажных халуп. На их месте поднялись ровными рядами типовые пятнадцатизэтажки. Теперь этот, когда-то похожий на гигантскую станицу город выглядел не хуже своих собратьев из ЕвразЭС.

Вот только, что-то кололо глаз Славика, какое-то отличие...

«Цокольные этажи!» – сообразил молодой человек.

Да, в российских городах все они были заняты различными магазинчиками и фирмочками, пестрыми и разукрашенными всякой рекламой и вывесками. А тут однотипные государственные магазины и конторы организаций с неприметными строгими табличками.

Вторым отличием было практически полное отсутствие частных машин на пустынных ухоженных улицах. Насколько мало было личного транспорта в России, по сравнению с той же Индией, но тут его, похоже, не было вообще.

Да и людей на тротуарах было совсем немного. День, все работают. За годы первых пятилеток Николаев, как и все города Новороссии, оброс целой кучей восстановленных и построенных заводов и фабрик. Некогда гражданам празднично шататься. А толп туристов, как в центре Москвы, не было и в помине. Не так-то просто получить визу в одну из самых закрытых республик Новороссии. Да и на что здесь глазеть?

Стороннему наблюдателю из какой-нибудь там Франции атмосфера столицы республики показалась бы гнетущей или даже зловещей. Но Славик здесь вырос и сейчас наслаждался строгой серьезностью своего города. Тем более что он прекрасно знал: это лишь скорлупа. Твердая оболочка ореха. А под ней... Веселая деловитость рабочих будней. Радость праздников. Чувство локтя и совместного труда на общее благо во время обязательных социальных отработок. Все это объединяло людей в народ. А пресловутая личная свобода, с которой носятся толерасты на западе...

Славика всегда хотелось спросить: «А для чего?»

Что с этой самой свободой делать, кроме как кичиться ей, оберегать от всех, включая друзей и любимых, быть свободным творить любые гадости, и бояться, что тебя этой свободы лишат.

Как там у классиков: «Свобода есть осознанная необходимость». И только так. Гораздо лучше, приятнее и человечнее чувствовать свою нужность другим, взаимосвязь со всеми, поддержку и заботу со стороны государства. И в ответ желать отдать все силы, чтобы о нем, государстве, состоящем из твоих друзей, заботиться.

И государство отвечает тебе тем же. Вот только иногда его забота чрезмерна.

– Станислав Семенович, вы уж простите, но выпустить вас на Украину мы не можем.

– Почему? – устало спросил Славик.

– Ваш статус. У Новороссии всего девять действующих космонавтов, а в нашей республике вы вообще первый. Сами знаете, что творится на Украине. Постоянно нацики то на посольство нападут, то туристов изобьют. Представляете, какой желанной мишенью будет ваша персона? А сколько на вас будут грязи лить? Как будут пытаться совратить или завербовать. Ну, последнее, в принципе, нам было бы на руку, но вы ведь наверняка не захотите работать двойным агентом.

– Не захочу, – подтвердил капитан ВВС, коммунист и первый космонавт республики.

– Так что постарайтесь нас понять и не таите обиды.

Такой вот разговор состоялся в стенах республиканского КГБ.

Так что вечером у Славика настроение было паршивое. Он даже подумал, не отменить ли визит к отцу. Но это было бы совсем свинством. Так что молодой человек подхватил сумку с гостинцами и отправился к родичам.

Корпусник пятого разряда Черноморского судостроительного жил с женой и двумя младшими детьми в просторной трехкомнатной квартире в одной из новеньких многоэтажек. Николаевская республика уже полностью решила жилищный вопрос. Все желающие переселились в уютные квартиры. Мало того, что бесплатные, так еще и меблированные за государственный

счет. А отсутствие каких бы то ни было коммунальных платежей, в купе с бесплатной едой в столовых и таким же бесплатным проездом в общественном транспорте, позволяло правящей компартии говорить о частичном достижении коммунизма в одной отдельно взятой республике.

Семья судостроителя встретила Станислава очень тепло. Отец, поседевший, с обветренным морщинистым лицом, заключил сына в крепкие объятия. Мачеха умильно прослезилась. А брат с сестрой...

Сестра – красивая восемнадцатилетняя девушка – кокетливо постреливала глазками. Славику даже показалось, что не будь они кровными родственниками, стал бы он объектом охоты. А пятнадцатилетний братишка Юра буквально не отрывал восторженного взгляда от молодого капитана с маленьким значком космонавта на груди.

За праздничным ужином много говорили, смеялись, хвастались. Отец – новым ракетно-лазерным эсминцем, который совсем недавно спустили на воду:

– Представляешь, у него время на захват и уничтожение цели – чуть больше секунды! Бьет влет любую гиперзвуковую цель в пределах видимости! А какие у него обводы! Я, когда керамопластовые листы собирал, все время любовался!

Славик смотрел на этого раскрасневшегося от вина пожилого мужчину и не мог поверить, что это тот же человек, который прятался по лесам от призыва, который не защитил от нациков маму, украл его, Славика, у бабушки и дедушки, чтобы сбежать сюда.

«А ведь не сделай он этого, я, наверное, батрачил бы сейчас на какого-нибудь польского пана!» – внезапно подумал Славик.

Эта мысль пронзила его холодной иглой. Парень совсем по-другому посмотрел на вполне очеловечившегося отца, на тетю Любу, ласково поглядывающую и заботливо следящую, чтобы у Славика в тарелке не переводились вкусняшки. На довольную, как сытая кошка, сестру. И на братишку.

Спать Славик улегся в «мальчишеской» – небольшой комнатке, где обитали Юра и Гена. Сейчас старший сын семьи Бойченко служил срочную в танковой бригаде.

– Он просился в Анголу, но туда срочников не берут, – с гордостью похвастался Юра.

– И правильно делают, – пробурчал Славик. – Югоафриканцы серьезные враги. Чтобы с ними драться, надо быть профессионалом.

– Я понимаю, – вздохнул Юра. – Но сейчас в военные училища жуткий конкурс по десять-двадцать человек на место!

– Ну да, армию сокращают, – подтвердил Станислав.

Действительно, Новороссия, как будто специально передала южному союзнику и сама израсходовала большую часть огромных запасов военной техники, что так пугали европейцев. Тут же запустила программу перевооружений и втрое сократила численность войск. Ее армия все равно осталась одной из мощнейших на континенте, но перестала быть чрезмерной.

– Юра, а ты что, хочешь стать военным? – сообразил Славик.

– Ага, – вздохнул братишка. – Но я понимаю...

– А вот это брось! – веско сказал молодой космонавт. – Если поставил цель – иди к ней!

– Тебе хорошо говорить.

– Почему это? Я был точно таким же пацаном, как ты. И в нас одна кровь течет.

Они помолчали, а потом Юра каким-то совсем другим голосом сказал:

– Я исполню свою мечту! Клянусь, брат.

Все следующее утро Славик бесцельно ходил по городу. Состояние было ленивое и какое-то бессмысленное. Молодой капитан ВВС привык к постоянной нехватке времени. У него уже давным-давно не было такого, чтобы он не знал, чем заняться.

И, когда пропел сигнал коммуникатора, он даже обрадовался. Вытянул из похожего на газырь узкого кармашка тоненькую трубочку. Встряхнул ее с проворотом, и с удивлением увидел на выползшем и затвердевшем тонюсеньком листе экрана знакомое лицо.

– Добрый день, Станислав.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор! – подтянувшись, поздоровался Славик с начальством.

– Вижу, пребывание на Родине уже на тебя повлияло, – улыбнулся начальник Центра подготовки космонавтов.

– Так точно, Игорь Викторович, – тоже чуть приподнял уголки губ парень.

– Я узнал, что у тебя не получилось на Украину выехать, – сразу перешел к делу Мыскин.

– Да. Не отпускают, – подтвердил Стасик, и спросил почти без надежды: – А вы не сможете помочь?

– Нет, – покачал почти седой головой генерал. – Но у меня появилась одна идея. Если Магомета не пускают к горе, то почему бы эту гору не передвинуть поближе?

– Э... Мне лестно сравнение с Пророком, – осторожно заявил Славик. – Но, всю гору...

– Ну, не всю, а только пару ее жителей. Я тут подумал, а не захотят ли твои дедушка с бабушкой отдохнуть с месяцок в нашем рекреационном центре в Ливадии?

– Это там, где космонавты восстанавливаются? – переспросил Славик.

– Именно. Там как раз пара путевок освободилась. И на море позагорают, и здоровье им наши врачи подправят. Сам знаешь, какие там волшебники работают.

– Спасибо, – немного растерянно поблагодарил Славик. – Но, зачем вы...

– Моя работа следить за психологическим состоянием космонавтов, – улыбнулся Игорь. – А твоя задача – уговорить своих дедушку и бабушку. И сам тоже, конечно, в Крым езжай.

Славик кивнул.

– Только я сразу предупреждаю, – продолжил Игорь Мыскин, – сейчас разгар сезона, так что ловить и покупать путевки тебе не стоит. Поселишься дикарем на квартире. Я тебе адрес скину. Люди надежные, наши.

– Спасибо! – ещё раз поблагодарил Славик, на этот раз с большим жаром.

Через два дня молодой космонавт подошел к старому трехэтажному дому по улице Чехова в Ялте. Поднялся по широкой, затертой за полтора века лестнице, на второй этаж и позвонил в дверной звонок.

За потемневшей от времени каштановой дверью послышались легкие шаги.

Дверь открылась и приятный женский голос проговорил:

– А, Слава, заходи!

Но Станислав Бойченко стоял на пороге и во все глаза смотрел на хозяйку. Уже немолодую, но все еще очень красивую женщину с лёгкой проседью в русых волосах.

И не мудрено. Вот так внезапно столкнуться с той, в кого был заочно и безнадежно влюблен в отрочестве...

А Анастасия Мыскина, в девичестве Белякова, посторонилась, попуская парня в квартиру, и позвала:

– Игорь! Славик приехал!

Глава 7. Крым

17.06.2052.

Ялта, Республика Крым, РСФСР.

Поездке в Крым я обрадовалась.

Потому что ни в какие лагеря меня не загнать. Только представлю вокруг толпы детей, натужно веселых аниматоров, приторно заботливых и компанейских вожатых, и тошно становится. А ведь еще наверняка все сразу же узнают, кто я такая, и в какой семье живу! Опять будут смотреть как на диковинную зверушку, приставать с расспросами и набиваться в друзья.

Нет уж, я лучше все лето в нашем доме просижу! Тем более, что он почти в лесу стоит, а до ближайшего озера – Орловского карьера, всего десять минут ходу.

Андрюшенция тоже от лагеря отбрыкивался. Разумеется, не так агрессивно, как я, а в своей мерзкой манере.

Он, чуть что, смотрит на тебя своими немного раскосыми глазами с слезинками в уголках, и вид у него такой жалостный, что руки опускаются и нога, занесенная для пенделя, на землю становится. Я потому его специально изводить и перестала почти. Ну, только когда настроение совсем паршивое, или достанет меня это недоразумение вконец.

Ну так вот. Послушала тетя Настя его нытье и возмущенные вопли в моем исполнении и говорит:

– Ну и что с вами, обормотами, делать? Давайте шустро собирайтесь, поедем все вчетвером в Ялту!

– Уря! – негромко сказала я, и кинулась к комоду свои гуляльно— плавательные вещи добывать.

Потому что Ялта – это квартира тети Настиных бабушки и дедушки. Их, правда, давно нет в живых, и даже бабушку Наташу я не застала. Она за полгода, как меня удочерили, умерла.

Квартира большая, четырехкомнатная. То есть две двухкомнатные объединили. Зачем соседскую купили я понять не могу. Она ведь все равно пустует круглый год, за исключением лета.

А в прошлом году мы вдвоем с тетей Настей там жили. У дяди Игоря не получилось отпуск взять. На работе запарка была. Что-то с экипажами для марсианской базы не ладилось. Замены какие-то.

Но две недели вдвоем с тетей мы провели замечательно. Так, что я пару раз ловила себя в последний момент, чтобы мамой ее не назвать.

А в этот раз все вместе отдохнем. Придется, правда, за Андрюшенцией приглядывать, зато я выбью себе отдельную комнату!

Ага, «наивная чукотская девушка», как говорит тетя Настя.

В свободной комнате поселился квартирант!

Вот зачем, скажите мне, размещать в своей квартире чужого человека?!

Ладно, будь это старинный друг тети и дяди. Так нет же! Просто один из выпускников центра подготовки. Типичный бывший военный из Новороссии. Невысокий, темноволосый, с простецким таким лицом. Как все армейцы: подтянутый и спортивный. В общем, один из полусотни таких же молодых космонавтов.

Правда, характер у Славика неплохой. Ну, так паршивых людей в космонавты психологи не пропустят.

Да, я демонстративно зову его Славиком. Типа, раз согласился жить с нами, то мучайся.

– Славик, а у тебя точно нет девушки? А почему? – это я его так достаю.

Станислав Бойченко старается сохранять спокойно-доброжелательное выражение лица, но видно, что я ему уже основательно надоела.

– Не встретил достойной кандидатуры, – отвечает он.

– А я?! – притворно возмущается ваша покорная слуга.

– Ты еще маленькая.

– Да? – я выпячиваю свою мелкоразмерную грудь в желто-зеленом полосатом купальнике.

Он хмыкает и отворачивается к ярко-голубому морю. Смотрит на легкий прибой. И я ощущаю, что что-то с нашим квартирантом не так, и это как-то связано с морским простором.

– А она что – моряк? – чуть сварливо спрашиваю.

– Подводница, – отвечает молодой человек.

– Вот видишь! А говорил, что не встречал! Значит, была девушка, да?

– Майка, отвяжись, а? – морщится этот вертолетный капитан.

– Бросила и вышла замуж за другого? – не унимаюсь я.

– Да, именно так, – нарочито спокойным голосом сообщает Славик.

– А ты тоже так сделай! Заведи себе красавицу и умницу, вроде меня, ей назло.

Он косо на меня взглянул и не выдержал, прыснул смехом.

– Пойдем, красавица и умница, я тебя покидаю.

– Пойдем! – я радостно вскочила.

Да, Славик, хоть и невысокий, но нырять с него одно удовольствие! А когда он меня хватает подмышки и швыряет в волны, то даже дух захватывает. Наверное, я в него все-таки капельку влюбилась. Но совсем чуть-чуть.

– А меня тоже... покидаете? – просит Андрюшенция.

– Мал еще, и пол у тебя не тот, – отрезаю я.

Но Андрейка меня не слушает.

И приходится Стасю кидать нас по очереди.

Вообще, может и хорошо, что он у нас поселился. Так веселее жить.

Одно плохо в этой поездке. В прошлом году на нас с тетей Настей особого внимания не обращали. Ну, иногда кто-нибудь замрет на пол шаге и провожает тё-Настю задумчивым взглядом. Зато теперь, когда мы гуляем вместе с дядей Игорем, то переключатели в головах срабатывают гораздо чаще. Наверное, на сочетание моих опекунов. Знаменитости те еще.

Да и мы с Андреем привлекаем внимание своей внешностью. Все-таки оба полукровки.

Я, правда, сильнее на азиатку похожа: волосы почти черные, глаза заметно раскосые. У Андрюшенции они, глаза, более европейского разреза, и шевелюра темно-русая, но всё равно азиатская кровь ощущается.

Наверняка все думают, что мы брат и сестра.

Противно.

Ну не могу я к нему нормально относиться! Не должен мальчишка быть таким хлюпиком и домашним неженкой!

Ну, так вот. Даже когда мы с тетей Настей вдвоем, иногда кто-то ее и узнает.

Вчера, когда мы сидели в тенечке на скамеечке и поедали мороженое, к нам подсел молодой парень.

– Извините, вы Анастасия Сергеевна? – спрашивает.

Тё-Настя обреченно кивает.

– Я Владимир Крыльцов, – представляется парень. – Репортер «Вестника Крыма».

– Интервью? – вздыхает тетя.

– Вы удивительно догадливы, – улыбается молодой человек.

– Ну, давайте, раз уж поймали, – внезапно соглашается Анастасия Белякова, то есть Мыскина. – Только три вопроса, хорошо.

– Договорились! – радуется парень, достает из кармашка микродрон с камерой, щелчком отправляет его в полет.

Тот зависает в метре от нас. Я демонстративно корчу ему рожицу.

Репортер призадумался, видно пытается выбрать самые интересные темы.

– Анастасия Сергеевна, что вы чувствовали, когда спасали жизни своих товарищей на Европе?

Тетя Настя чуть закатывает глаза, давая понять, как ей надоел этот вопрос. Отвечает немного слишком жестко:

– Вы ошибаетесь. Я тогда спасала не жизни. Нам ничего не угрожало. Прилетел бы за нами корабль раньше срока, и все. Вы, действительно, думаете, что нет ничего важнее человеческих жизней, да? А вроде бы на общечеловека не похожи. Так вот, я, глупая, не щадя этой самой драгоценнейшей жизни, трудилась, чтобы помешать столь правильному действию. И дело не в долге, не в научном поиске. То есть и то и другое – лишь составная часть чего-то гораздо большего. Стремления поднять человечество на следующую ступеньку, сделать что-то для всех. Не для себя любимого, не для своего самолюбия или даже любопытства. Для всех, для других, для страны, для людей. Это называется «Работа». Это слово на западе опошлили и испоганили, как все, до чего они добираются. Как голубой цвет или любовь, превратив их в цвет педерастов и «занятие сексом». Так и со словом «работа». Оно стало заработком, самореализацией, в лучшем случае призванием и интересным занятием. А ведь на самом деле работа – это то, что человек дарит обществу. Не искать теплое местечко, где бы поменьше напрягаться и побольше получать, да еще и командовать другими при этом. Нет, найти занятие, через которое ты сможешь сделать мир хоть капельку лучше, хоть немного приблизить будущее, о котором мечтаешь. Вот ради такой работы и стоит жить, и не страшно умереть, оставив о себе даже не память, а еще одну маленькую ступеньку, на которую поднимутся остальные.

– Это как у Стругацких в «Понедельнике»? – показал знание классики парень.

– Не совсем, – улыбнулась тетя. Она оценила информированность журналиста. Да, они с дядей Игорем любят старинную фантастику. – Там братья Стругацкие, как и во многих других своих книгах, изобразили типичных интеллей-ученых. Живущих только ради любопытства. Им любопытство это заменяет все: и любовь, и быт и даже совесть, иногда. Помните «Далекую радугу»? Если уж брать пример в классической литературе, так у Ивана Ефремова. Вот там все правильно. Только, не в «Туманности Андромеды», а, скорее, в «Лезвии бритвы».

– Вы, однако, начитанная.

– Есть такой грех, – улыбнулась тетя Настя, – люблю умные и хорошие книги, а за полгода полета времени на них удастся выкроить немало. Особенно я аудиокниги в этом плане ценю. Занимаешься рутинной работой, не требующей концентрации внимания, а сама слушаешь себе... Кстати, это был второй вопрос!

– Э... Поймали вы меня. – вздохнул Владимир. – Ладно, тогда задам последний и самый главный. Вы счастливы?

– Да, я счастлива, – совершенно серьезно заявила тетя. – Я своими ногами делала первые шаги для всего Человечества. Я видела Юпитер над горизонтом Европы, летала в открытом космосе, разрабатываю двигатели, на которых люди долетят до еще более отдаленных планет.

– И это главное? Расширение сферы жизни Человечества?

– Это одно из главных. Но, не обязательно. Вот один мой школьный друг изучает звезды и галактики. А подружка учит ребятишек ходить в горные походы. А, самое важное, что они распространяют вокруг себя свет и доброту. Это ведь тоже работа для всего Человечества, и наиважнейшая – делать мир хоть немного лучше, светлее, понятнее, радостнее. Не столь важно, куда прилагать свои силы конкретно, главное, стараться для других, а не только для

себя – любимого жвачного животного. Ведь быть просто хорошим добрым и отзывчивым человеком, не менее важно, чем быть известным космонавтом.

– Даже так?

– Да. Вот у меня есть еще один друг. Я сейчас назову его, и вы мне, не задумываясь, скажете, кто он. Договорились?

– Давайте, – улыбнулся журналист.

– Киран Чаудхари.

– Великий программист.

– Вот видите? Я не сомневалась, что вы скажете именно это. Но, главное в Киране то, что он невероятно добрый и чудесный человек. И своих детей – искинов, он создает такими же. Почему даже китайцы и американцы перестали штамповать холодных всезнающих кибернетических помощников? Потому что людям такие не нужны. Им нужны друзья. Искренние и верные. Такие как Компи или Света, и все остальные искины, которых произвел на свет Киран. А то, что он программист, так это лишь виртуозное владение инструментом. Настоящим художником или музыкантом человека делает душа, а не пальцы.

– А можно бонусом еще один вопрос. Только он будет самым неприятным.

– Давайте, – вздохнула тетя Настя.

– Вы отдыхаете с дочкой, – он как-то прицельно взглянул на меня. Я вернула ему такой же взгляд. – То, что она вам не родная, это приемлемая цена за космос?

– А она родная, – светло ответила тетя Настя, и чуть приобняла меня за плечи. Мне стало до головокружения тепло и уютно. И от этого страшно. А тетя продолжила: – Родной человек, это тот, кого ты любишь. А я очень люблю Майю. Люблю Игоря. Люблю своих друзей. Люблю космос и самую чудесную планету во Вселенной. Если лишит себя чего-то из этого, то мир станет пустым. Я бы любила своих собственных детей. Любила бы другую работу, других друзей. Но это была бы другая жизнь и иная я, не имеющая к нынешней Анастасии Мыскиной никакого отношения. Мы каждый день, каждый миг, меняем мир и себя в нем. Нет смысла в сослагательном наклонении. Я такая, какая есть, и выдерни из моей жизни любой фрагмент, пусть даже самый жуткий и неприятный – и я стану другим человеком. Не хуже и не лучше, просто другой личностью. Понимаете?

– Да, – кивнул журналист. – Простите.

– Не за что, – серьезно ответила тетя и хитро улыбнулась: – А знаете, о чем вы сейчас думаете? Нафига я брал это интервью, и как же сделать из всего этого нормальную статью?

– А вот тут вы ошибаетесь, – улыбнулся парень. – Это замечательное интервью, и я постараюсь выложить его всё, а, может, даже и просто размещу на нашем портале исходный ролик совершенно без обработки. Это того стоит.

– Мне уже страшно! – с улыбкой и безо всякой опаски сказала тетя Настя. – Но я с удовольствием даю вам на это свое согласие.

Такой вот разговор. Наверное, для тети он был обычным. Но для меня... Какие-то шестеренки в голове пришли от него в движение, и я задумалась о своем будущем.

Ужасно захотелось, чтобы когда-нибудь в старости и я могла вот так о себе сказать. Но... Я ведь не тетя Настя, не Хана Хаякава, и уж тем более не дядя Игорь. Даже не Станислав Бойченко.

Я обычная четырнадцатилетняя девчонка. Лишенная каких-то особых способностей. Тетя Настя иногда даже злится на меня, когда помогает делать домашку по физике и математике. Ей непонятно, как можно так тупить. А я ведь изо всех сил стараюсь. Всегда трудолюбиво делаю все, что задают на дом, в школе внимательно слушаю учителей, а не играюсь в комми, как многие другие мои одноклассники. Но, не мое это!

А что мое? Вот совершенно не знаю!

Ведь все от меня ожидают чего-то выдающегося. Сколько раз слышала за спиной: «Конечно, тоже космонавткой станет! С такими-то родственниками!»

А я даже не знаю, хочу ли этого. И, если бы даже всем сердцем возмечтала бы, то как пройти через сито отбора? Кем стать, чтобы потом поступить в отряд космонавтов? И нужно ли мне это вообще?

Такие вот депрессивные мысли навалились на меня с новой силой, и солнечная Ялта стала мрачной.

В тот вечер я опять сорвала злобу на Андрейке, и от этого сделалось еще более мутно. Вот уж кто не задумывается о таких вещах. Везет мальчишке.

После ужина зашла в комнату Славика, внаглую уселась на его тщательно заправленную кровать.

Парень вопросительно на меня посмотрел, спросил:

– Не в духе?

– Да, настроение ниже плинтуса, – сообщила я. – Может ты меня поцелуешь, для поднятия?

– А может тебе по шее дать? – в тон мне ответил парень. – Для опускания.

– Злой ты, и совсем меня не любишь, – констатировала я.

– А за что? – осведомился этот наглец.

– А просто так, как тетю Настю, – ехидно высказалась я.

Он удивленно и чуть настороженно на меня взглянул.

– А это заметно?

– Еще как! – весело ответила я. – Ты при ней становишься похож на щенка в присутствии любимой хозяйки. Я бы на месте дяди Игоря уже ревновать начала!

– Да брось ты, – парень отвернулся. – Я в Анастасию Белякову в детстве влюблен был. Но тогда все училище по ней с Ханой сохло.

– Поровну разделились? – подалась вперед я. – А драки были, кто за кого?

– Не было, – Славик даже рассмеялся. – И потом меня бы не стали бить. У меня над койкой весел их совместный портрет.

– Слушай. А вот сейчас, когда ты у нас живешь, что о тете думаешь?

– Что дяде Игорю жутко повезло, – серьезно ответил Славик. – Нет, я давно уже отношусь к ней просто с восхищением и только. Но она того заслуживает.

– Заслуживает, – отозвалась я, и продолжила с прорвавшейся горечью: – А представь, каково мне в ее тени жить?

– А ты выйди из тени, – посоветовал Славик. – Знаешь, мне вот почему-то кажется, что я еще своим внукам буду рассказывать, что был с тобой знаком.

– Нашим внукам?! – делано поразила я.

– А ремнем? – спросил Славик.

– Поздно, – хихикнула я. – Или рано?

И, с хохотом вскочив с кровати, увернулась от ладони, которая явно намеревалась шлепнуть меня по моему тощему задку. Настроение стало гораздо лучше.

Глава 8. Утечка

10.12.2052.

*Город Грантс, штат Нью-Мексико,
Техасская конфедерация, Американский Союз.*

Гэрри уселся в кресло оператора, привычно провел процедуру идентификации. Компьютер сличил отпечаток его пальца, рисунок сетчатки глаза и сигнатуру биополей.

Что-то, а система безопасности у макро-нано проходческого комплекса была невероятно серьезная. Такой позавидовал бы пункт стратегического командования баллистическими ракетами.

Тем меньше Гэрри понравилось то, что он обнаружил. Опять следы проникновения в протокол общей информации. На уровень, который был доступен только лично ему.

Год назад, когда «Объединенная урановая компания» развернула на их руднике этот комплекс, господин Джексон подчеркнул особый статус Гэрри, как единственного главного тестера системы и человека, в чьи обязанности входит следить за сохранностью коммерческой тайны. А следить было за чем. Гэрри очень хорошо учился в колледже, интересовался последними разработками в горном деле, но ни о чем подобном даже и не слышал.

Проходческий комплекс состоял из прекрасно ему известных, хотя и новейших модификаций, агрегатов: комбайнов, «кротов», робо— транспортеров. Но главная фишка была в том, как они были связаны между собой и с операторами на поверхности.

Нано-облако. Состоящий из микроскопических летающих и ползающих механизмов рой. Он произвольно конфигурировался, обменивался информацией по тщательно зашифрованным каналам и создавал что-то вроде распределённого искусственного интеллекта. Конечно, на пару порядков проще, чем у настоящих искинов, но достаточного, чтобы реагировать на изменение обстановки и управлять теми самыми проходческими механизмами.

Кроме того, часть роя вытягивалась в цепочку и передавала по ней все данные в операторную.

Таким образом эта компания безмозглых агрегатов и пчел-муравьев, командующих ими, могла забраться куда угодно, умела сама разведывать породу и находить наилучшие направления для работы. Для старого уранового рудника развертывание этого оборудования стало вторым рождением. Выработка увеличилась втрое, удалось добраться до пластов, о существовании которых геологи компании только догадывались.

Так что, вполне понятно, что конкуренты этой системой рано или поздно заинтересуются.

И вот Гэрри уже третий раз наблюдал следы очень осторожной и аккуратной попытки проникновения в информационный банк. И, что особенно неприятно, это делал кто-то из работников предприятия. Скорей всего, такой же оператор, как и он сам.

«Ну что ж, займемся детективной деятельностью, — хмуро подумал молодой инженер. — Руководству я, конечно, тоже сообщу, но сначала попробую все-таки хоть что-то выяснить самостоятельно».

Разумеется, засечь, с какого именно терминала была произведена попытка проникновения, Гэрри не удалось. Был бы на его месте спец по компьютерной безопасности, может он бы и сумел, хотя, не факт.

Тогда Гэрри составил список работников, кто вообще мог находиться в операторной в то время. Выявилось целых семь человек. Дистанционно в систему войти невозможно. Но кто сказал, что нельзя посадить в нее бота, который сделает это без участия шпиона? Тогда...

И Гэрри еще раз просмотрел список. Так. Всего один человек, чьи рабочие часы никогда не совпадали с кибератаками. Джошуа.

Тот самый пожилой не то индеец, не то азиат, что присутствовал при первом визите на рудник Алана Джексона.

Гэрри почему-то вспомнился странный взгляд, который он тогда перехватил. Всего этого совершенно недостаточно для обвинений, и даже для серьезных подозрений маловато, но большего он своими дилетантскими детективными умениями не добьется.

Молодой инженер составил подробный отчет и, зашифровав его особым ключом, отправил лично господину Джексону.

Через два дня маленький городок облетел слух, что полиция арестовала дилера распространяющего генно-модифицированную коку – один из самых мощных запрещенных наркотиков. Им оказался работник прииска – Джошуа Харрингтон.

А в воскресенье к дому, который снимал Гэрри, подкатил дорогой «Кадиллак». Он очень странно и даже нелепо смотрелся на улице этого заштатного городишки.

Из электромобиля вышел подтянутый джентльмен в строгом костюме.

– Добрый день, господин заместитель департамента! – вежливо, но напряженно поздоровался с ним Гэрри.

– Добрый! – отозвался тот, и без проса уселся в мягкое кресло, в котором молодой инженер любил посиживать, глядя по видеостене какой-нибудь сериал.

– Я правильно поступил, что сообщил вам?

– Разумеется, – согласно кивнул Алан. – Хотя, могли бы и после первого проникновения это сделать. Но тогда бы вы не вычислили крота.

– Все-таки он? А можно спросить, на кого Джошуа работал?

– Это закрытая информация, – покачал головой собеседник. – Скажу только, что его хозяева за пределами Союза. Вы нам очень помогли.

– Вам, это руководству компании?

– Нет, конечно, – тонко улыбнулся господин в дорогом костюме. – Нашей организации. И я, кстати, уполномочен предложить вам поработать на нас.

– АНБ? – сощурился Гэрри.

– Именно.

– И кем... поработать?

– Да в общем-то в том же направлении. – пояснил Джексон, или как там его звали на самом деле. – Никакого официального статуса, постоянного стукачества и прочей шпионской деятельности. Просто внимательно смотрите по сторонам, и, если заметите что-то всерьез подозрительное, сообщите нам.

– Ну, это я бы и так делал, – слегка улыбнулся Гэрри. – Может показаться глупым и старомодным, но я патриот своей страны.

– Мы знаем, и именно поэтому вышли с вами на контакт. Скажу больше, когда мы искали, кому доверить тестирование нано-комплекса, то ваша кандидатура была выбрана не случайно.

– Спасибо, – Гэрри почему-то было приятно услышать эти слова.

– Кстати, а можно задать личный вопрос? – немного вкрадчиво осведомился Алан.

– Валяйте.

– Вы все еще мечтаете о космосе?

– Откуда... А, ну да, извините, я забыл, с кем разговариваю.

– Ну так как?

– Да, – сказал Гэрри и облизнул пересохшие губы.

– Тогда, как вы отнесетесь к предложению принять участие в экзаменах в НАСА?

– Почему я? – не веря в то, что только что услышал, спросил Гэрри.

– Потому что проходческий комплекс, который вы испытывали, создавался не только и не столько для Земли. Потому что вы прекрасно показали себя во время учебы и работы.

Потому что ваш отец истинный патриот и герой флота. Потому, что вы с детства мечтаете о космосе, и у вас очень хорошее здоровье. И потому, что вы согласны сотрудничать с нашей конторой.

Глава 9. Первая

26.02.2053.

В 92 миллионах километров от Земли

В 20 километрах от кометы Чурюмова-Герасименко.

Кэйлаш, так же, как и остальные члены экипажа «Удханта», большую часть свободного времени проводила у главного обзорного экрана. Он занимал солидное пространство стены научного отсека межпланетного корабля.

Чуткие видеокамеры сверхвысокого разрешения передавали на экран сгенерированное и обработанное умными фильтрами изображение кометы Чурюмова-Герасименко. Вернее, ее ядра – похожего на неправильную гантель в несколько километров поперечником. Сейчас комета была почти в перигелии, лед на ее поверхности растаял, и пришло время испаряться тому, что внутри. Из нескольких щелей били жемчужные гейзеры, распространяя легчайшую дымку, что окутывала ядро и, под давлением солнечного ветра, стелилась длинным шлейфом, затуманивая звезды.

Зрелище было настолько величественное и прекрасное, что на него можно было смотреть часами.

Что сейчас и делала молодая индианка.

Кэйлаш находилась почти в медитативном состоянии. В Космическом университете Дели будущих космопроходцев обучали и традиционным приемам психологической концентрации и релаксации. И даже всерьез занимались с ними йогой. Но сейчас дело было не в этом.

Кэйлаш просто была счастлива. Все в ее жизни складывалось самым волшебным образом. Радостное детство в довольно богатой, и при этом дружной семье, великолепные успехи в учебе. Поездка в Сибирь, где она провела три месяца в макете марсианской станции. Знакомство там с Тимуром. Их любовь, расцветшая в виртуальном пространстве компьютерных игр и реализовавшаяся свадьбой в реале. Дочка Ришима, которая увенчала эту любовь и еще крепче связала молодых супругов.

И даже то, что из-за рождения ребенка Кэйлаш сняли с лунной программы.

Она тогда очень сильно расстроилась, но взяла себя в руки и обратила неудачу в победу. Тщательнейшим образом подготовилась и сдала экзамен на участие в первой индийской межпланетной экспедиции по специальностям системы жизнеобеспечения и кибернетика, намного опередив всех соперников.

И вот она на совсем недавно построенном первом полностью индийском межпланетном корабле участвует в полете к комете!

Одно плохо, ей так и не выпала возможность прогуляться в открытом космосе.

Но до отлета на Землю еще полторы недели, может быть, все-таки получится?

Медитативное настроение и мечты о прогулке за бортом внезапно прервал встревоженный и озадаченный мужской голос:

– Кэйлаш, у меня голова кружится.

Индианка вздрогнула, обернулась, хотя в этом не было никакого смысла.

– Шантану, но ты же понимаешь, что у тебя нет головы?

– Конечно, понимаю, – согласился искусственный интеллект космического корабля. –

Но она у меня кружится!

Кибернетистка экспедиции явно расслышала в компьютерном голосе панические нотки.

– Сейчас, Шантану, – как можно спокойнее ответила она. – Я протестирую твоё железо.

Легонько оттолкнулась от поручня и неторопливо полетела в дальний угол научного отсека, где располагались терминалы и консоли электронного мозга.

- Протестируй, пожалуйста, а то мне что-то нехорошо!
- Конечно-конечно. А ты передавай расширенный пакет самодиагностики на Землю.
- Я уже!
- Вот и молодец.

Кэйлаш устроилась напротив терминала и вывела на экран общую блок-схему, хмыкнула, заметив, что квадратики эмоциональных реакций и контроля над корабельным оборудованием сменили цвет с изумрудно-зеленого на лимонный.

Еще не неполадки, но уже отклонение от нормы.

На своем первом межпланетном корабле индийцы установили экспериментальный искин нового типа.

Вообще, Киран Чаудхари своего Компии создавал классическим ИИ нисходящего типа. То есть он с детства обучал обычный компьютер реакциям на окружающую среду. Программировал любознательность, веселый неунывающий характер, доброту и прочие чисто человеческие качества.

При этом его друг и сын до сих пор задается вопросом: разумен он или просто является набором психологических шаблонов?

В последующем, работая над искинами космических станций и подводных поселков, Киран стал включать все больше элементов ИИ восходящего типа.

Он усложнял первоначальное железо, которое ему разрабатывали по специальным параметрам, добавлял своим детишкам функции контроля над реальным оборудованием.

Это, неизбежно меняло сам тип искинов. Они перестали быть детским увлечением гениального программиста, а становились управляющими системами, заботящимися не только о психологическом состоянии космонавтов, но и об их жизни на станциях.

А с Шантану Киран, и работающий у него Тимур, перешли на следующий уровень, окончательно срастив психоматрицу искина со всеми компьютерными системами космического корабля – от двигателей, до заботы об оранжерее. Шаг был довольно рискованным, и Киран очень долго сопротивлялся, но руководство Космического агентства Индии настояло на своем.

Вообще, весь этот корабль был сплошным экспериментом.

До сих пор у Индии были, собранный на купленных в 2040 году у России двигателях, пассажирский марсианский корабль и собственного производства грузовой буксир для того же Марса. И вот, наконец, страна создала полноценный межпланетный космический корабль. Но он был промежуточным и экспериментальным. Через три года будет построен более мощный космолет, способный летать к астероидам, а «Удханта» переведут на марсианскую трассу.

По сути, этот полет к одной из ближайших комет, станет единственным рейсом в дальний космос для этого корабля.

Вот и решили на нем обкатать и новый искусственный интеллект.

– Кэйлаш, как у тебя дела? – раздался из крошечного переговорного устройства родной голос мужа.

Тимур сейчас в невообразимой дали, на Земле, и радиоволны доходят до него долгие девять минут.

– Мы анализируем данные. – продолжал муж. – Киран мобилизовал весь институт. Будем информировать тебя постоянно, но и ты не забывай проговаривать все, что обнаружишь или просто заподозришь.

– Хорошо, Тим, – отозвалась Кэйлаш, немного усталым голосом.

Она уже целый час висела возле консоли, пытаясь разобраться в причинах множества неполадок.

Они сыпались нарастающей лавиной, высвечивая желтым и даже оранжевым чуть ли не все участки общей схемы. Причем, ошибки возникали уже в работе реального оборудования.

Остальные члены экипажа заняли свои места в рубке управления, пытаясь на ходу исправлять неполадки. Кэйлаш тоже следовало бы перебраться в ложемент, но она не хотела тратить и минуту на перелет в соседний отсек.

– Опиши свои ощущения! – приказала молодая женщина Шантану.

Искин ответил каким-то надтреснутым голосом с прихотливо меняющимися интонациями:

– Плохо. Тело не слушается, в блоке рекуперации воздуха свербит, и сильно ноют двигатели.

– Кэйлаш! – громкий окрик капитана. – Мы теряем контроль над планетарными двигателями! Если так продолжится, я переключусь на запасной независимый контур!

– Не надо! – с паникой в голосе возразил Шантану. – Я тогда совсем не смогу вам помочь!

– Ты только мешаешь! – рявкнул капитан. – Все! Я отключаю тебя от управления!

– Нет!!! – панический голос взвился почти до болевого порога и оборвался.

– И от всего остального... – устало закончил капитан Вимал.

– Я не согласна! – прокричала Кэйлаш, увидев, как поверх всех открытых на терминале окон появилась красная надпись: «ИИ отключен. Переход на стандартное управление».

– Соблюдай субординацию, – строго сказал капитан. – Всем проверить работу оборудования!

– О-о-о! – испуганный вскрик старшего пилота. – Двигательная система не отвечает на запросы! Запуск третьего и четвертого!

Кэйлаш почувствовала легкий толчок. Ее повлекло вниз к рубке.

Женщина вцепилась в поручень.

– Нас разворачивает к комете! – заорал навигатор. – Вектор движения пересекается с ядром!

– Отключить компьютер! Перейти на полностью ручное управление!

– Не получается! Цепи из рубки обесточены!

– Капитан! – закричала Кэйлаш, чувствуя, что ее все сильнее тянет вниз в ставший колодезем коридор научного отсека. – Надо включить Шантану! Он поможет!

– Нет! Это его вина! Искин сошел с ума! – злым голосом ответил капитан Вимал.

– Я требую!..

– Молчать! – рявкнул капитан. – Навигатор, информацию!

– Полная тяга! Ускорение три метра в секунду за секунду! Мы летим прямо на ядро! До столкновения меньше двух минут.

– Делайте что-нибудь! – заорал капитан! – Нирав, быстро в противовес! Попробуй управлять оттуда! Раджеш, попробуй перекрыть подачу топлива!

Кэйлаш дотянулась до консоли. Висеть на одной левой руке было тяжело: сейчас ее тело весило двадцать килограмм. Забарабанила пальцами по кнопкам. Но пульт не отзывался. Капитан отключил управление Шантаном со своего места высшим приоритетом.

Кэйлаш всхлипнула, но усилием воли загнала страх и заполняющую душу тоску внутрь, приблизила губы к микрофону, который все еще работал на дальнюю связь, и заговорила, стараясь вложить в голос всю свою любовь:

– Тимур, любимый! Мы с тобой уже больше не встретимся. Знай, что в свои последние секунды я думаю только о тебе и нашей дочке. Береги ее, и не отчаивайся! Живи дальше и постарайся быть счастливым. И... В том, что произошло не виноваты не ты, ни Киран. Я уверена, что Шантану тут не причем. Он старался исправить ситуацию, но ему не дали этого

сделать. Ищите ошибки в компьютерном железе и программах. До встречи в новом круге перерождений, милый! Я верю, что мы найдем друг друга! Я тебя люблю!

Женщина, используя поручни как лестницу, спустилась к большому обзорному экрану.

На него холодная автоматика транслировала приближающееся ядро кометы.

Оно уже заполнило весь экран и летело, с нарастающей скоростью, навстречу.

Глава 10. Дружья

11.03.2053.

Дели, Индия.

Тимур отказался лететь на Новую Каледонию.

– Нет, Элен, извини, – покачал головой молодой программист, пряча от старой подруги красные от хронического недосыпа, а, может, и не только него, глаза. – Пока мы не выясним, что случилось с Шантаном, я не могу позволить себе отдыхать.

– Зря! – возразила Элен. – Так ты только загоняешь себя. Разбираться будете вы долго. Тебе силы нужны! Месье Чаудхари тоже считает так. Я с ним разговаривала.

– Ага, – криво ухмыльнулся Тимур. – То-то он сам сутками из института не выходит. Его жена, Аванти, поселилась у нас в пустой лаборатории и чуть ли не с ложечки его кормит.

– Ну, он директор института и самый главный на Земле по искинам. И в космосе тоже самый главный.

– А там, на «Удханте» была Кэйлаш, – тихо сказал Тимур.

И Элен ничего не ответила другу, только мягко взяла его за руку.

Француженка прилетела в Дели на следующий день после того, как объявили о катастрофе.

Вытребовала себе целых три недели отпуска. Руководитель группы попытался ворчать, что она будущая космонавтка, и не имеет права прерывать занятия. Но Элен выдвинула ультиматум – или отпуск, или она уходит из отряда космонавтов. И месье Морель сдался. Все-таки молодая женщина была лучшей не только в марсианской группе, но и во всем наборе пятьдесят первого года, а в том, что она легко наверстает отставание по программе, не было сомнений.

Так что Элен взяла билет в Дели и отправилась заботиться о Тимуре.

И ни на секунду не пожалела, что поступила так. Дружья познаются в беде. А забота о ближнем – прямая обязанность любого по-настоящему верующего человека.

И, потом, видеть, как закаменевший от внезапного удара судьбы мужчина начинает оттаивать, стоило всех ее трудов.

Одно плохо, вторую часть плана осуществить не удалось.

Элен хотела на недельку выкрасть Тимура на острова, потому как по себе знала, что природа тихоокеанских атоллов самое лучшее лекарство от депрессии. Сама не раз его применяла к себе.

Но, увы.

– Тогда мне придется одной лететь, – вздохнула француженка.

– А, может... ты останешься до конца отпуска? – спросил Тимур.

– Не могу, – покачала головой Элен, отчего пышный хвост ее рыжевато-золотистых волос мотнулся из стороны в сторону. – Я, своей учительнице, что приеду обещала. Она обидится очень-очень.

Хотя, на самом деле, причина столь стремительного отъезда была другая. Тимур знал ее. Ведь именно он сообщил Элен, что сегодня вечером прилетает их общий друг.

– Мог бы и раньше выбраться! – хмуро сказала тогда Элен.

– Не у всех такое хорошее начальство, как у тебя, – возразил Тимур. – И, потом, у него вылет на Луну уже через полгода. Хорошо, что хоть сейчас смог ко мне прилететь.

Элен только отвернулась.

– Ты точно не хочешь с ним увидаться?

– Точно! – неожиданно тонко выкрикнула Элен. – Прости...

Она сама не могла разобраться в своих чувствах. Как многие годы назад. Как почти всегда, когда думала о Славике.

Увидеть его было невообразимо страшно. И оставалось только бежать.

– Ладно, Элен, давай прощаться. – Тимур осторожно обнял девушку.

– Давай Тим, – руки француженки обхватили молодого человека, она плотно-плотно прижалась к нему, зарылась правой кистью в его жесткие почти черные волосы. – Береги себя, ладно?!

Они постояли так пару минут, а потом, не сговариваясь, отстранились, отступили на шаг.

– Знаешь, я потом, когда все закончится, приму твое приглашение, – слегка улыбнулся Тимур. – Если ты только сама сможешь.

– Смогу, – чуть всхлипнула Элен. – Я обязательно покажу тебе Океан!

А потом был гиперлайнер до Сиднея.

Когда ее самолет выруливал на взлетку в международном аэропорту Дели, в здании аэропорта проходил таможенные формальности капитан военно-воздушных сил Новороссии Станислав Бойченко. Он только позже, из разговора с другом, узнает, что совсем немного разминулся с Элен.

А молодая женщина пересела в Сиднее на самолет до Нумеа. Где ждала ее одна из яхт отца. Не та семидесятиметровая громадина, на которой они с Клодом провели медовые месяцы в кругосветном путешествии, а небольшая и уютная «Etoile de mer», которую месье Бонне подарил своей дочке, для таких вот плаваний между островами и атоллами.

Обидно, конечно, что не удалось привезти сюда Тимура, но не пропадать же еще недели отпуска!

Тем более, что за годы, проведенные здесь, в Тихом океане, Элен по-настоящему полюбила эти места. Водный простор, то ласково спокойный, то сумрачно штормовой, и глубины под ним.

Жалко, что в этот раз Элен не могла спуститься в подводный поселок у атолла Увеа. Не хотелось встречаться с бывшим мужем.

Но и без этого неделя подарила будущей космонавтке именно то, на что она рассчитывала. Умиротворение и ослабление боли.

Ведь Кэйлаш была одной из немногих действительно дорогих ей подруг.

Глава 11. Продолжая путь

19.03.2053.

Центр управления полетами.

Анастасия давно уже не бывала в Центре управления полетами. Вернее, в Центрах. Лет пятнадцать назад недалеке от старого ЦУПа построили новый комплекс зданий с несколькими командно-контрольными залами.

Настя Мыскина вошла в «Орбитальный». Отсюда шло управление передвижением по орбитам, а за тем, что творилось внутри трех российских станций, наблюдали из соседнего помещения.

– Пожалуйста, сюда, – позвал ученую молодой человек в темно-зеленом комбинезоне.

Он проводил бывшую космонавтку до одного из терминалов, предупредительно выдвинул кресло на колесиках.

Настя поблагодарила парня улыбкой и опустилась на сиденье.

В эргономическом кресле что-то зашуршало, его поверхность задвигалась, подгоняя себя под по-девичьи стройную фигуру.

Настя толкнулась ногами, подкатывая умное сидище к столу, потянулась к консоли. Та быстро считала биометрические данные и оживила компьютер.

Огромный панорамный экран засветился. Он был разбит на три сектора. Два из них были испещрены колонками цифр, таблицами и графиками. А на левом, над зеленовато-голубым куполом Земли, на фоне черной бездны висел лунный буксир.

Его снимали с одного из спутников. Орбиты были наклонены между собой, и изображение медленно поворачивалось.

При взгляде на плод своего пятилетнего труда Настя испытывала целую гамму чувств. От радостного ожидания до тревоги.

– Пятнадцатиминутная готовность по «ЭЛБЭМ-пять-один», – сообщил голос диспетчера.

– Так, что у нас тут... – пробормотала Настя и принялась подстраивать под себя интерфейс окон.

Внимательно прочитала данные, проглядела служебную информацию. Все было знакомо по множеству раз прогнанным моделям. И все находилось в почти идеальном соответствии с расчетами.

Женщина откинулась на спинку сиденья и оглядела зал.

Деловитая работа. Без перенапряжения, но и без малейших следов расслабленности. Очень приятная атмосфера.

Настя чувствовала глубочайшее уважение к людям, обеспечивающим полеты. В то время, когда она летала к Марсу, Лютении и Европе они заботились о космонавтах, внимательно следили за кораблями и были всегда готовы помочь.

«А теперь моя очередь сидеть на Земле», – с легкой грустью подумала Настя.

Она чуть укрупнила изображение буксира.

Совсем небольшой кораблик, с реактором в какие-то жалкие пять мегаватт. Подобные корабли уже тридцать лет как работают на орбите, перетаскивая спутники и возя грузы и людей на Луну.

Но над ускорителем этого трудяги доктор физико-математических наук и членкор РАН Анастасия Сергеевна Мыскина трудилась многие тысячи часов. Причем, последние два года она занимала должность начальника сектора ускорительных установок, после того как ушел из жизни Абрам Иосифович.

И не зря трудилась. Ведь с лунного буксира «ЛБМ-5-1» начнется новый этап в исследовании космоса.

А все из-за буквы «эМ». Это вовсе не «медленный», «модернизированный» или «мишутка». «М» значит «магний».

До сих пор большинство стран использовало в качестве рабочего тела ксенон. Этот инертный газ лучше всех остальных элементов подходит для того, чтобы разгонять его в ускорителях и выбрасывать с бешеной скоростью – до сотни километров в секунду – за корму, двигая вперед космолеты.

Но добывать ксенон очень сложно и дорого. Его содержание в земной атмосфере и минералах крайне мало. Для того чтобы Настя с друзьями слетала на Юпитер, Россия четыре года производила нужные им полтысячи тонн этого газа. Да еще и закупала его везде, где только можно.

Дальше так продолжаться не может.

Американцы с самого начала использовали другой тип двигателей, в котором задействовали аргон. Но у «VASIMR» есть предел по мощности и скорости истечения, так что в последние годы и им пришлось искать замену.

Китайцы пользовались криптоном – но и это не выход.

Следующей, по степени пригодности, шла ртуть.

Но за пределами Земли пока что не было обнаружено серьезных месторождений кинувари. Да и выбрасывать над родной планетой десятки тонн этого токсичного металла не хотелось.

И решено было использовать как рабочку магний. Он сильно уступал по своим качествам перечисленным элементам, зато в том же лунном реголите его было от пяти до пятнадцати процентов.

Три месяца назад строящийся на Луне металлургический комбинат начал производить первые килограммы этого металла.

А, значит, очень скоро можно будет полностью перейти на внеземное производство. Не надо будет запускать сверхтяжелые ракеты с матушки-Земли, полеты станут во много раз дешевле, а нехватка топлива уйдет в прошлое.

И это все свершится, если вот этот маленький буксирчик полетит.

– Трехминутная готовность!

Настя за своими мыслями и не заметила, как пролетело время.

Она наклонилась к консоли, вглядываясь в цифры.

«Ну же! Быстрее!» – подгоняла бывшая космонавтка медленно ползущие секунды.

И, наконец, дождалась:

– Подача рабочки!

Измельченный в микроскопическую пыль ионизированный магний, как обычный газ, потек в горячую зону реактора. Испарился и превратился в плазму, еще более ионизированную потоком гамма-частиц, и тонюсенькой струйкой направился в трубу ускорителя.

Мощнейшие магнитные поля подхватили его и, разогнав до семидесяти пяти километров в секунду, вышвырнули в пучину космоса.

И на левой части экрана... ничего не произошло.

Настя усмехнулась. Да, грамм в секунду – это почти ничто. И девять килограмм тяги это слабее, чем она может одной рукой надавить.

Но за часы и дни этот двигатель разгонит кораблик до космических скоростей. Через неделю он должен добраться до Луны, потратив на это меньше тонны «рабочки».

Но об этом Настя уже не думала. Она полностью сконцентрировалась на поступающей с буксира информации.

Очнулась женщина часа через два, когда кораблик набрал дополнительные полсотни метров в секунду. Он пока что лишь немного изменил свою орбиту. Но и этого было достаточно, чтобы привести Настю в приподнятое настроение.

И не только ее.

Вокруг слышались возбужденные голоса. Конечно, до конца испытаний еще пара месяцев, но уже сейчас ясно, у них все получилось!

Настя, отодвинула кресло и встала.

Встретилась глазами со средних лет женщиной, которая сладко потягивалась за соседним терминалом.

Они друг другу широко улыбнулись.

– С буксиром все нормально, – раздался в зале приятный молодой мужской голос.

– Хорошо, Денис, продолжай следить, – ответил начальник центра.

– Конечно, продолжаю! Мне самому жуть как интересно!

Настя сообразила, что это искин ЦУПа.

«Как хорошо, что мы не запаниковали, как американцы с французами, и не стали отключать своих искинов после гибели «Удханты», – подумала Настя.

Неприятное воспоминание омрачило ее радость.

Да, гибель индийского корабля очень сильно по всем ударила.

Траур был объявлен во всех организациях, связанных с космосом.

Настя помнила, как они с Игорем сидели поздним вечером в кухне-столовой своего дома и поминали погибших коллег.

– Славку жалко, – вдруг сказал Игорь.

Настя непонимающе посмотрела на Игоря.

– У него близкая подруга там была, – пояснил начальник центра подготовки космонавтов. – Парень написал рапорт, просится поехать к ее мужу, они тоже дружат с детства.

– Ты отпустил?

– Нет, – вздохнул Игорь. – Понимаю, что это не по-человечески, но Славик сейчас в натурных тренировках внутри макета лунной станции. Я не могу прервать работу.

– Думаешь, это того стоит? – спросила мужа Настя.

– Ты ведь сама была космонавткой, Настя.

– Да. Долг превыше всего, – печально сказала женщина. – Но, после «натурки»?

– Сразу же отпущу, – серьезно ответил Игорь. – Славик это сам понимает. Иначе... он не стал бы космонавтом.

– Да, жалко парня. Он хороший. Ты молодец, что прошлым летом поселил его у нас.

– Ага, Майка, до сих пор о нем вспоминает и даже перезванивается иногда, – улыбнулся Игорь. – Я уж беспокоюсь, не влюбилась ли доча в бравого новоросца?

– Не думаю, хотя подростки они такие. И не только. Была бы я лет на двадцать моложе и не познакомься с тобой... Видел, как он на меня смотрел, чуть ли не как на ангела с крыльями.

– Угу. Я даже начал раздумывать, не начать ли ревновать, – чуть рассмеялся Игорь.

– Не поможет, – вздохнула жена. – Ко мне неровно дышит половина молодых космонавтов.

– Ага. Те, что не влюблены заочно и безнадежно в Хану, – подтвердил Игорь. – Я даже думаю, не учредить ли специально для тебя должность талисмана отряда космонавтов?

– Мы с тобой совсем черствые, да? – спросила Настя, положив свою ладонь на руку мужа. – У людей горе, погибли наши товарищи, а мы...

– Мы, просто сами столько раз были на грани, и знаем, что это такое, – серьезно ответил генерал-майор и трижды герой России.

– И что, если не переключаться на хорошее, то эту грань слишком легко перейти, – подхватила его жена.

– И тогда уже другие будут горевать о тебе, – завершил мысль Игорь.

Он пересел на диванчик к Насте, мягко ее обнял и нежно поцеловал в висок.

Глава 12. Рэкетирь

18.04.2053.

Звездный, Московская область, РСФСР.

Андрей хотел, чтобы уроки не кончались. Пусть они длятся бесконечно!

Нет, мальчик не был столь прилежным учеником. Совсем наоборот. Школу он воспринимал как нудную обязанность, а домашние задания – как неизбежное зло, с которым каждый день приходится сражаться, чтобы поскорее заняться своими делами: играми, чтением книжек, просмотром мультфильмов и прогулками по виртуалке.

Нет, не той, настоящей, для которой нужна капсула полного погружения, конечно. Здесь такой не было, хотя тетя Настя и дядя Игорь, разумеется, могли себе позволить ее купить. Они не делали этого из принципиальных соображений.

А вот мама с папой себе вирткапсулы приобрели еще четыре года назад. И иногда пускали Андрея полежать на мягком, похожем на противоперегрузочное, ложементе, надвинуть на голову колпак с кучей сложнейшего оборудования. И нырнуть в виртуальность.

Мальчику нравилось бродить по почти настоящему миру, ощущать кожей тепло солнца, дуновение ветерка, чувствовать запахи.

Мама предпочитала всякие авиасимуляторы и баталии космических истребителей. Но отпрыск космонавтов не проявил к ним ни малейшего интереса. Тогда Хана Мисалова-Хаякава попробовала затащить сына в один из боевых миров, но после пары попыток плюнула и на эту затею.

Драться, даже почти не чувствуя боли, Андрею не хотелось ну ни капельки.

Но здесь в доме Мыскиных капсулы нет, так что приходилось довольствоваться старинным шлемом. Только Андрей его недолюбливал. Все равно никакого сравнения с полным погружением эта псевдовиртуальность не выдерживала, а в любимые им стратегии удобнее запускать на видеостене.

Но больше всего он любил играть в своих верных пластилиновых человечков. Все-таки никакая компьютерная игра не позволяла так задействовать фантазию, как они. Ловкие и умелые пальцы заставляли человечков двигаться, замирая в удивительно живых позах, а воображение рисовало окружающий их мир лучше любого 3Д редактора.

Жаль, что этим не с кем поделиться. Разве расскажешь, что играешь так, как это делали деды, или даже прадеды.

В те времена, говорят, еще и оловянные солдатики были. Сейчас тоже всевозможные фигурки продают для настолок, но это совсем не то.

Хотя... если бы у Андрея были друзья, увлекающиеся такими вот живыми играми...

Но у мальчика не было вообще никаких друзей.

В классе он не прижился. Нет, его не шпыняли и не издевались, просто смотрели не замечая, как будто он прозрачный.

В классе.

Но не во всей школе.

Компания Кабана обратила внимание на домашнего хилого шестиклассника в начале этого года, сразу после зимних каникул.

Парни учились в восьмом классе и основательно доставали учащихся и педагогов. Учителя пытались с ними бороться, но без видимых результатов. Вызывание родителей к директору превратилось в постоянную традицию, а толку? Педагоги с нетерпением ждали, когда пройдет еще один год и эту троицу можно будет с чистой совестью вытурить в какое-нибудь ПТУ.

А пока...

Как-то зимой они подкараулили Андрейку в проулке за школой, обступили, прижали к стенке. Мальчику было ужасно страшно, дрожали коленки и в животе ворочался холодный комок.

Впрочем, сильно мутузить его не стали.

Так, сунули пару раз кулаком под дых, да отвесили несколько оплеух.

И заставили переслать на их коммы карманные деньги.

Так и повелось. Где-то раз в неделю-другую его отлавливали на выходе из школы, отводили в «выбивальное место» и заставляли распрощаться с финансами. При этом еще и издевались по-всякому. Правда, ума малолетним рэкетирам хватало не бить мальчишку слишком сильно и не принуждать делать что-то совсем страшное. Все-таки получить к учету в детской комнате милиции, где они давно уже состояли, еще и срок в малолетке не хотелось.

А так... Ну маменькин сынок добровольно помогает бедным малообеспеченным детям.

Хотя, насчет малообеспеченности, это так, для красного словца. У Кабана, Сергея Крынкина, отец – хозяин небольшой кафешки, владелец собственного электрокара и здорового двухэтажного особняка.

Но, видать, правду говорят, что чем богаче человек, тем он жаднее. И сынишке не достает денежек на покупку, через старших дружков, бухла и сигарет. Они ведь бешеных денег стоят! Вот и приходится просить младшекласника о финансовой помощи.

Сегодня как раз был день сбора дани. И только поэтому Андрей Мисалов-Хаякава очень не хотел, чтобы уроки закончились.

Мальчику никогда не приходило в голову рассказать кому-нибудь о своей беде. А ведь достаточно было только намекнуть тете и дяде, и обидчикам бы так досталось, что они и смотреть в его сторону боялись бы.

Но в этом было что-то грязное, что-то, что поставило бы мальчишку на один уровень с Кабаном и кабанятами. А еще перед его мысленным взором вставало лицо мамы.

Она бы за это его самого таким презрением окатила, что хоть вешайся. А потом пошла бы не к директору, а к родителям этих детишек, и укатала их в асфальт.

Но мама очень далеко. Так, что как ни глядывайся в небо, даже в тети Настин телескоп не разглядишь.

Где там эта Лютеция, возле которой на колесообразной станции уже полтора года работают мама с папой?

Так что приходилось терпеть. А, возвращаясь домой, доставать пластилиновых человечков и избивать одной меленькой фигуркой три большие.

– А теперь, япощка, становись на колени и вычисти мне башмаки.

Андрей чуть замешкался, убирая в нагрудный кармашек куртки тонкий цилиндрокomma. Кабан коротко, но сильно ударил его в солнечное сплетение.

Паренька согнуло пополам, дыхание перехватило.

Тогда крупный и упитанный восьмикласник ухватил его пятерней за темно-русую шевелюру и с силой заставил опуститься коленями на грязный асфальт проулка.

В живот Андрея ткнулся носок заляпанного серой глиной ботинка.

– Давай-давай, трудись! Чтобы блестел, как у кота яйца!

Мальчик всхлипнул, наклонился и принялся тереть рукавом обувь ненавистного учителя.

– Вы что, охренели?! – раздался знакомый голос. – Андрей, прекрати унижаться!

Мальчик поднял мокрое от слез лицо и увидел, как по переулку к ним быстро идет Майка. Подошва башмака мощно толкнула Андрея в грудь, опрокидывая навзничь.

Кабан шагнул навстречу девушке. Схватил ее за руку.

– Пусти, гад! – и звонкая пощечина по ухмыляющейся роже.

– А! Сука-а! – взревел пацан.

Поймал Майю за второе запястье, припечатал спиной к стене дома. И схлопотал коленом по бедру. Девушка, к сожалению, не попала, куда целилась.

– Ренбзя, лови ее! – вполголоса завопил Кабан.

Оба его подельника нерешительно переглянулись. Долговязый Барон облизнул пухлые губы и поспешил на помощь главарю. Мелкий шустрый Прыщ, чуть помедлив, последовал за ним.

Возле стены копошение.

– Пустите! Гады! Не-ет! Не хватайте! Лапы уберите! – Майя, сузив в щелки и без того азиатские раскосые глаза отчаянно отбивалась, пытаясь стряхнуть три пары рук, шарящие и хватающие ее. И вдруг громко закричала: – Куда полез?! Сволочь! Помогите!!!

Андрея как пружиной подбросило вверх. Он кинулся на сгрудившиеся над девчонкой спины. Замолотил по ним кулаками.

Барон обернулся и как-то лениво толкнул Андрея кулаком в лицо.

Мальчишка сделал два шага назад и сел на попу.

Но поднялся опять, и опять бросился на врагов.

– Да пошел ты! Не мешай! – зло ругнулся Кабан. Пнул ботинком в бедро, опять опрокидывая легонького шестиклассника на землю.

И продолжил возиться с растрепанной и в голос ревушей Майей.

– Эй, а ну стоять! – раздался окрик.

Андрей, лежащий на асфальте, поднял голову. По проулку к ним бежал какой-то старшекласник.

Кабан, раскрасневшийся и сипло дышащий, оторвался от увлекательного занятия, выпятив пузо, попер на вновь прибывшего.

– Че приперся?! Вали отсюда!

На что среднего роста, но довольно крепкий на вид юноша просто и незатейливо влепил в скулу Кабана прямой справа.

Сильно и хлестко. Так, что малолетний рэкетир отлетел к стене, ударился об нее спиной и сполз вниз, потеряв сознание.

Двое его дружков тут же отпустили заплаканную Майку и нерешительно повернулись к старшекласнику.

Тот провел вертушку и красиво исполнил какэ-гэри ботинком в челюсть Прыщу. Мелкого бандитеныша подбросило в воздух. Он упал в лужу сломанной куклой.

Барон выхватил из кармана ножик, согнулся и, выставив его вперед, попятился.

– Не подходи! Порежу! – заверещал он со страхом в голосе.

Но старшекласник подшагнул и стремительно ударил ногой по кисти.

Нож, коротко звякнув, отлетел в сторону.

Барон развернулся и со всех ног понесся прочь по переулку.

А с противоположного его конца – раскатистый топот.

Андрейка сел, обернулся.

К ним бегут еще три парня.

А тот, первый, уже рядом с Майей.

Всегда казавшаяся такой взрослой названная сестра сжалась, запахивая растрепанную и порванную блузку.

– Ну-ну, уже все! – парень осторожно положил ей руку на плечо. – Не плачь, Майя.

Та удушено взглянула на юношу, скривилась и спрятала лицо в ладонях, зарыдала. Уткнулась лбом в грудь спасителю.

Глава 13. Последствия

14.05.2053.

Звездный, Московская область, РСФСР.

Сама не пойму, почему я тогда вступилась за Андриюшенцию.

Я, вообще-то, человек сдержанный и альтруизмом с героизмом никогда не страдала. В школе меня знают как тихую, малозаметную личность, очень редко участвующую во всяких мероприятиях, учащуюся старательно, но звезд с неба не хватающую.

У меня и друзей-то нет. То есть, есть пара одноклассниц, которые меня считают подругой, но я им почти не открываюсь.

Максимум могу за компанию посидеть в кафешке, или пройтись по магазинам в выходной.

А уж как я отношусь к Андрею, я тыщу раз говорила.

Но тут... Все-таки он уже полтора года со мной в одной комнате живет. А, главное, он такой безобидный. Нельзя таких людей мучить! Это все равно, что над бездомным котенком издеваться.

Вот я и не выдержала.

И на своей шкуре убедилась, что добрые дела не остаются безнаказанными. До сих пор противно вспоминать, как эта троица меня лапала. Хорошо, что ни на что другое у них не хватило смелости. Или времени. Кто знает, что сотворили бы с недоразвитыми мозгами подростковые гормоны.

В тот вечер я была словно пришибленная пыльным мешком.

Тетя Настя примчалась с работы в школу. Выдернула меня из лап директора, завучей и милиционера и увезла на служебной машине дяди Игоря домой.

Я тут же заперлась в ванной и долго отмывалась, а потом мазала синяки какой-то мазью. И, наконец, подуспокоившись, завернувшись в теплый мягкий халат, выбралась в зал. Уселась на диван, тупо глядя перед собой.

– Ну-ка иди сюда, – тетя Настя под села ко мне и крепко обняла.

Я, было, завозилась, высвобождаясь, но встретила глазами с ее взглядом, внимательным и каким-то болезненным.

– Давай, я расскажу тебе одну историю, – серьезно сказала она, и я покорно затихла, сообразив, что проще посидеть-послушать.

Да и было что-то в ее голосе особенное. Какая-то отстраненность и, в то же время, затаенная боль.

– Это случилось в первый день Украинской войны с одной маленькой девочкой, на пару лет младше тебя...

И я выслушала про то, как тетя попала в заложники, как из-за нее один солдат застрелил другого. Как погиб брат, а она с мамой уехала от пьющего и скандалящего отца. И от одноклассников, которые избрали ее предметом издевательств. Как панически боялась она парней, и с каким трудом преодолела андрофобию.

Сначала я слушала с сумрачной неизбежностью, просто потому, что вырываться и уходить к себе было как-то неправильно. Но потом... Я вдруг поняла, что та девочка мне гораздо ближе и понятнее, чем Анастасия Сергеевна Белякова – великая космонавтка, жутко умная и вечно допоздна задерживающаяся на работе ученая, деловая общественная деятельница, или чересчур заботливая домашняя тетя Настя.

С той девчонкой я бы, наверное, могла подружиться. Крепко-крепко, на всю жизнь, как тё-Настя с тетей Ханой.

– Ладно, пойду я к себе, – сказала я. – Уроки надо делать.

И попыталась высвободиться из ее мягких объятий.

Куда там! Ее изящные руки стали стальными.

– погоди еще немного, – попросила она. – Домашнее задание от тебя не убежит.

Я опять затихла и подумала: «Какая она все-таки сильная!» И не только психологически, но и просто физически. Вот она бы сама этих гадов расшвыряла, похлеще Артема. Не зря тетя раньше была призеркой России по кэндо. Да и сейчас она каждое утро в нашем «додзё» с полчаса мечом машет и на тренажерах вкалывает.

Напрасно я отбрыкивалась от занятий спортом. Вот и получила.

– Тетя Настя, я, кажется, созрела, – сумрачно произнесла я.

– Да? Интересно для чего? – она вдруг наклонилась к моему плечу и тихонько за него куснула. – Нет, еще зеленая.

Я посмотрела на нее, как на сумасшедшую, потом до меня дошло, и я рассмеялась.

– А ты потренируешь меня в кэндо?

– Хочешь научиться себя защищать? Тогда тебе лучше каким-нибудь ногомашеством заняться. Вон, попроси Артема, чтобы привел тебя в их секцию по каратэ.

Я вспомнила невысокого десятиклассника и встревожено спросила:

– А ему за мое спасение ничего не будет?

– Мы с Игорем постараемся, – серьезно ответила тетя. – Но он очень основательно приложил тех двоих. У обоих сотрясение мозга, а у Пыльтина еще и челюсть сломана.

– У них есть чему сотрясаться? – спросила я.

– Это так диагноз называется, – пояснила тетя Настя с легкой улыбкой.

– Обидно будет, если эти отмажутся, а Артема будут судить, – проговорила я.

И вспомнила, как держался парень на допросе, который нам с ним устроили в школе.

Спокойно, не изображая из себя героя, и, в то же время, ни капельки не сожалея о содеянном.

– Да, он хороший парнишка, правильный, – сказала тетя. – Ты только сразу ему на шею не бросайся, хорошо?

– Пф! – фыркнула я возмущенно, хотя, если честно, у самой такие мысли появлялись. Это, наверное, «комплекс спасенной принцессы», или что-то вроде того.

– Ладно, иди, занимайся. Хотя, ради такого случая, можешь и побездельничать, все равно год уже кончается, и сильно ты себе оценки не испортишь.

– Не, я так не могу, – сообщила я.

Ну да, выполнять домашние задания я считаю своей работой. А любая работа должна быть сделана хорошо. Даже самая неприятная, вроде задач по геометрии или английского языка.

Тетя и дядя действительно постарались. В суд ходили вместе со мной и выступали там. Так что спустить дело на тормозах родителям этой троицы не удалось. Хотя и приходил папаша Кабана к нам домой мириться. Отец... дядя его и на порог не пустил.

Так что Кабану вlepили четыре года, Прыщу год, а Барону целых шесть лет. За то, что ножик вытащил. Всем условно, но это тоже судимость, так что очень многие пути для них закрылись. А стоит еще раз залететь, и сроки станут реальными.

Артем же обошелся строгим выговором от комсомольской организации, секретарем которой он, кстати, и был. А еще предупреждением от милиции, чтобы не применял свои каратистские умения против граждан.

– Даже таких? – спросил он.

– Да, – ответил милицейский капитан. – Это наша обязанность. А твоя – обезвредить преступников, если повторится такое, но не переусердствовать. Вот если ты после школы пойдешь работать к нам – другое дело.

– Не, я стану космонавтом, – серьезно заявил парень.

Потом, после суда, я подошла к нему. Еще раз, смущаясь и краснея, сказала: «Спасибо», и попросила:

– А можно мне к вам в секцию записаться?

Парень оглядел меня с ног до головы. Ну да, тощенькая, хиленькая.

– Тебе каратэ не подойдет, – вздохнул он. – Массу удара не сможешь сделать. Лучше на айкидо пойдешь.

– Ну ладно, – разочарованно протянула я.

– Знаешь, Майя, – улыбнулся юноша, – а я ведь еще в один клуб хожу. Юных космонавтов. Пошли к нам.

– Но я... Я не собираюсь становиться космонавткой, – сообщила я.

Парень удивленно посмотрел на меня.

– Я понимаю, родители, тетя с дядей, – попыталась пояснить я. – Но они особенные. А я – кто?

– Ты Майя Камэнаси, – серьезно сказал Артем.

Глава 14. Долгая вахта

10.12.2052.

На орбите Лютеции.

– Да, мама, у меня все хорошо. Только очень скучаю тебе и папе. Расскажи, а как вы там? Чем занимаетесь?

Все это Андрей выпалил на одном дыхании и замолчал, не зная, что еще сказать.

Он представил, как его голос шифруется в цифровой код, струится по оптоволоконному кабелю в Крым, превращается в радиоволны и срывается с огромной антенны дальней космической связи. Или не в Крым, а в Японию он сначала летит? «Колесо» ведь принадлежит этой стране, и связь, наверное, они устанавливают? Не важно.

По земле закодированный пакет перемещается за такие крошечные доли секунды, что и не сосчитать. А вот потом... Потом он будет долго-долго лететь до далекого астероида, где сейчас сидят перед экраном папа и мама.

Сидят и тоже ждут. Вот только мама не такой человек, который будет бездельничать, даже во время сеанса связи с единственным сыном.

– Смотри, какую я загогулину просчитала! – обращается Хана Мисалова-Хаякава к своему мужу. – Одним махом все три точки накроем!

– Все три? – недоверчиво переспросил Федор Мисалов.

– Агась! Первым делом полетим к квадрату «сто пять – девяносто три». Бросим туда «зайца», пусть прыгает. Там я пукну движком слегонца и выведу нас на эллипс с аполю в сто двадцать километров. Во-о-от такой. Делаем два витка, и точнехонько подлетаем к девятой буровой. Тормозимся и заворачиваем вот так, пока ты будешь снимать свои данные и вбивать новую программу. Успеешь за девяносто три секунды?

– Э... – задумчиво сказал Федор. – Успею, но ты авантюристка!

– Спасибо, дорогой, – промурлыкала Хана и поцеловала мужа в щеку. – Вот. Ну и добираемся преспокойно до твоего любимого разлома. Садимся и занимаемся лю...

Муж приложил ей палец к губам и укоризненно посмотрел, сказал со смешинкой в голосе:

– Не при сыне.

– А что сына? Андрейка уже наверняка знает, как дети появляются! Вот привезем ему братика или сестренку. Ты как, Андрей, не против?

Федор легонько стукнул жену ладонью по затылку. Крепко обнял.

– Вот выгонят тебя со станции и скажут: «Идите, Хаякава-сан, пешком на Землю, не нарушайте трудовую дисциплину».

– Не, не выгонят. Кто тогда им будет «Ласточку» водить? И экономить на одном полете целых семьдесят килограммов топлива!

– Так уж и семьдесят?

– А то! – с гордостью заявила космонавтка. – Я, когда Котонэ-тян данные скормила, она чуть ли не зависла напрочь. А потом полчаса пела оды о моем величии и гениальности! Ей электронных мозгов не хватило, чтобы такой маршрут придумать.

– Котонэ-сан не хватило хулиганистости и безголовости, – печально сообщил Федор.

– Но ты ведь меня за это любишь, да? – подпустив в голос жалостности, спросила Хана.

– И за это тоже.

– Ой, сигнал! – Хана подняла вверх маленькую ладошку, и они притихли, слушая далекого сына.

– Э-э? Чем занимаемся? Да ты и сам все видишь. Трудимся на благо нашей Родины. Сурово и мрачно. Ты лучше бы о себе побольше рассказал. Как живешь, как учишься. Не сильно ли тебя Наська с Игорем, то есть тетя и дядя, гоняют. Не вредничает ли чересчур Майка. Ей, кстати, отдельный огромный привет.

Хана замолчала и по ее лицу промелькнула легкая тень.

– Скажи ей, что я очень-преочень по ней соскучилась. Сильно-сильно ее люблю и... мечтаю увидеться.

– Я тоже, – поддакнул Федор. – Сына, у нас еще сорок минут времени осталось. Пожалуйста, рассказывай, что только придет в голову. Нам с мамой ведь всё-всё о тебе интересно.

– Хорошо, папа, – ответил Андрей через двадцать минут. И в его голосе были слезинки. – Мы с Майей почти не ссоримся. Она хорошая, хотя, иногда и вредная бывает. А тетя Настя и дядя Игорь просто замечательные. А еще мы месяц назад с классом ездили в Питер на экскурсию...

Хана слушала сына и живо представляла все, о чем он рассказывал. Сейчас ей просто невыносимо хотелось на Землю. За два с лишним года экспедиции она ужасно соскучилась по родной планете. И по сыну.

Это только со стороны могло показаться, что он для нее не особенно важен. Действительно же Андрея занимал огромное место в ее сердце. И то, что он растет практически без матери, сильно ее расстраивало.

«Ну, он все-таки у Наси с Игорем сейчас, – утешила себя космолетчица. – А их любви хватит на десятерых. Да и Майка рядом. Когда прилечу, я ее выловлю, как бы она не пряталась, и извинюсь. То есть, я считаю, что тогда поступила правильно. Нася куда лучшая мама, чем я. Но ведь скребется на душе у меня. Так что украду я девчонку, и махнем мы все вчетвером куда-нибудь на Вануату».

Но до этого еще почти год жить в тесной закупоренной и закольцованной станции. А потом пять месяцев летать на корабле к Земле.

Ностальгия о зеленой планете неожиданно сильно сжала сердце.

Хана посмотрела на комм, красивым легоньким браслетом облежавший тонкое загорелое запястье.

17:26 по Токийскому. Вылет завтра утром. Корабль уже тысячу раз протестирован. Игорь засел на весь вечер со своими геологическими данными, дорабатывает программу исследований для девятой буровой и еще раз продумывает, что будет делать в разломе.

«А я? Чем бы занять себя, и эту мерзкую тоску замочить?»

Хана запорхала ловкими пальцами над виртуальной клавиатурой.

«Так, через пятнадцать минут освободится капсула. Вот и решение!»

На станции имелись целых восемь кабин полного погружения.

Разумеется, главной их задачей было дистанционное управление роботами-андроидами. Четверо человекообразных роботов постоянно передвигались по поверхности, ведомые вселившимися в них сознаниями операторов, еще два было в резерве. Ну, то есть на самом деле никто в роботов не вселялся. Люди управляли ими, лежа в капсулах виртуальной реальности.

Хане нравилось видеть и ощущать астероид через синтетические органы чувств, прыгать и бегать, работать с самым разным оборудованием. Причем, если остальные операторы главным образом трудились на строительстве обогатительного комбината, то Хане давали задания по исследованию маленькой планетки.

Правда, начальник экспедиции регулярно делал ей выговоры за то, что ее аватар вечно хулиганит. То Хана испытывала его на прыгучесть, подбивая своих коллег на соревнования по прыжкам в высоту. То купалась в пыльном море, да еще и норовила занырнуть поглубже.

Пока андроид не терял с ней радиоконтакт и не задействовал автоматическую программу всплывтия. То, от нечего делать, строила из камней пирамидки и стены.

– Ну, это-то зачем? – чуть ли не со стоном вопрошал Савада-дано.

– Для будущих инопланетных ксеноисториков, – совершенно серьезно отвечала космолетчица.

– То есть?

– Ну, представляете, прилетают через сто миллионов лет в Солнечную систему зеленые человечки, и видят на этом крошечном астероиде следы каменных сооружений. Как вы думаете, что они заподозрят?

– Что всем в Галактике известная Хана Мисалова-Хаякава была здесь и вместо работы занималась всякой ерундой!

– Вот! – поднимала палец женщина – Таким образом слава обо мне останется в миллионолетиях!

Все эти выходки находили живейший отклик у других космолетчиков, очень основательно разряжая обстановку, так что психолог экспедиции смотрел на них с одобрением.

Вообще, присутствие на «Кансоуми» этой знаменитости, ее компанейский нрав и даже некоторую ершистость он считал чуть ли не главным залогом удачной двухлетней вахты.

Правда, была опасность, что в миниатюрную, но не по годам стройную и ловкую женщину влюбится половина мужского состава экспедиции.

Но умные японцы придумали, как сбрасывать половое напряжение.

Кроме искина станции: взрослой заботливой Котонэ, которую все называли мамашей, корабельный компьютер содержал в памяти четыре десятка субличностей. С ними можно было общаться в виртуальных пространствах, заводить отношения, и даже устраивать всякий хентай.

Большая их часть была красивыми девушками, чьи характеры и внешность тщательно разрабатывали лучшие дизайнеры фирмы «Сони», изучив предварительно пристрастия всех участников экспедиции.

Не случайно на «Кансоуми» было восемь капсул полного погружения и всего шесть андроидов. Две капсулы служили местом отдыха и очень редко пустовали. Более того, врач и психолог экспедиции Ивасаки внимательно следила за графиком посещения виртуальной реальности. Без этого почти три года сосуществования вдесятером японские космолетчики могли бы и не выдержать. А так они регулярно сбрасывали напряжение и психологическое и сексуальное.

Правда, была и обратная опасность. От чрезмерного злоупотребления виртуалкой можно схлопотать «синдром ирреальности». Это, когда окружающий мир кажется игрой, и человек теряет ограничения. Подобная болезнь в последние годы стала главной причиной тяжких преступлений в странах «победившей толерантности», наряду с синдромом «энпээсофилии» сокращая и без того катастрофически уменьшающееся население «свободного мира».

Хана с Федором принципиально не занимались виртуальным сексом, а играли в какие-нибудь фентезийные ролевки или устраивали перестрелки в постапокалипсических развалинах. Хотя, говорить с уверенностью о Хане было сложно.

Однажды, на прямой вопрос мужа она ответила:

– Да ты что! Ни в жизнь! Я самая верная жена во Вселенной!

И глаза у нее при этом хитро поблескивали.

– Ну-ну! – с напускной строгостью отозвался Федор.

Мисалов страдал редким психическим заболеванием. Он органически не умел ревновать. И, зная это, Хана старалась не давать тому поводов. А то неспортивно получается. Но... виртуальность, это ведь понарошку?

В общем, чем-чем, а скучным существование восьмерых мужчин и двух женщин на вращающемся в сотнях миллионов километров от Земли «колесе» назвать было невозможно.

Сегодня, после разговора с сыном, Хана, устроившись на мягком лежбище, запустила «Виртуальную Землю» – мощнейший симулятор реальной планеты. Она не стала задавать маршрут, а решила погулять наугад.

И «Великий Рэндом»... запулил ее на окраину какого-то африканского мегаполиса. Судя по немыслимой жаре, плотному смогу, пропахшему свалкой, и как будто парящим над ним силуэтам небоскребов.

– Пипец! – высказалась Хана и добавила длинную сложную фразу на русском-матерном.

Как это ни странно, а весьма специфическое путешествие по виртуальной Земле напрочь излечило японскую космолетчицу от припадков ностальгии. И на следующее утро она была свежей как огурчик, веселой и собранной одновременно.

Хана чмокнула мужа в щеку, и, со словами: «А то целый день придется обходиться без ЭТОГО», защелкнула колпак гермошлема.

Они разместились вдвоем в ложементях, и маленький кораблик отправился в очередной полет.

Все шло по плану, разработанному Ханой.

Над нужным квадратом сбросили крошечного робота-попыгунчика, которого все звали «зайцем». Пролетая над буровой номер девять, Федор успел обменяться с автоматикой всеми необходимыми данными и командами. Это приходилось делать во время полета «Ласточки», потому как буровая находилась в кратере, расположившемся на самом полюсе, и радиосигналы с вращающейся в плоскости эклиптики станции до нее не доставали.

А потом была обычная тяжелая работа в Разломе.

Два месяца назад Хана гуляла в теле адроида-аватара по поверхности Лютении.

Женщина все-таки научилась прыгать в этом металлическом теле, хотя ей жутко не хватало естественного ощущения равновесия. Ведь голова-то ее покоилась на мягком валике в капсуле, вместе со всеми средними ушами и прочими мозжечками. Увы, но передавать синтетические сигналы, полностью идентичные им, непосредственно в мозг, ученые пока что не научились. От этого ощущался легкий дискомфорт. Чувство равновесия было не таким хорошим, как в реальности.

Нет, для сидячей работы и виртуальных развлечений оно вполне годилось, но вот для такого точного и тонкого искусства, как скачки по Лютении – нет.

Пожалуй, только Хана хорошо освоила прыжки в аватаре. Именно это стало для космолетчицы решающим аргументом, чтобы захватить себе должность разведчика.

Вот и прыгала она себе по кромке очередного кратера, когда, влетев в тень, не почувствовала под ногами грунта.

Хана молниеносно среагировала и подбросила вверх «паучка». А сама сгруппировалась и принялась ждать падения.

Каменный выступ болезненно ударил ее по левому плечу, развернул в полете. Но женщина, извернувшись как кошка, упала на руки и правое колено.

Удар был основательный.

Хана быстренько проглядела диагностику. Вроде ничего не сломала. И обвела взглядом окружающее.

Попыталась обвести взглядом. Кругом стояла крошечная тьма.

Японка зажгла закрепленный на лбу робота прожектор. В одну десятую накала, чтобы не ослепить оптику.

И опять ничего не увидела, кроме сплошного тумана. Со всех сторон ее окружало белесое марево из мельчайших частичек реголита. На секунду потемнело в глазах от потери связи между телом аватара и ее собственной тушкой, лежащей в уютной капсуле на станции.

Хана наугад встала. Легкое головокружение быстро прошло, глаза-объективы увидели перед собой неровную каменную стену, уходящую вверх.

Она стояла на дне узкой щели, глубиной в добрую сотню метров.

Тело робота утопало по плечи в реголитовой пыли. Та, от удара поднялась облачком и сейчас медленно оседала.

«Опять понабьется во всякие интимные места!» – подумала Хана.

Да, крошечные каменные частички основательно вредили аватарам, забиваясь во все возможные щелки, попадая на трущиеся и вращающиеся детали.

Борьба с пылью была одной из главных головных болей инженеров.

Хана провела рукой, чувствуя легкое шелковистое прикосновение, прохладное и приятное.

«Градусов тридцать по Кельвину, – подумала космолетчица. – Ну что ж, поплаваем!»

Хана неторопливо двинулась вдоль разлома, раздвигая телом податливую субстанцию. Ее остановил звуковой сигнал потери канала.

Аватар и человек, лежащий в капсуле, постоянно связаны гигантским потоком информации, текущим в обоих направлениях.

Сейчас связь со станцией шла через «паучка»: крошечного ретранслятора, который при активации выпустил во все стороны тонюсенькие ножки и таким образом остался над расщелиной. Вот только разлом был неровным, и Хана вошла в тень.

– Ну вот! На самом интересном месте! – подражая персонажу из какого-то древнего русского мультика, проскрипела Хана.

Разумеется, мысленно, потому что голосом робота не снабдили. Зачем он ему в вакууме-то?

Хана подняла лицо вверх и уставилась линзами-объективами на тоненькую полоску черноты с искорками звезд на фоне черноты без искорок.

– Ну, полезли, что ли.

В принципе, если прыгнуть изо всех сил, то можно долететь до края, но наверняка ведь ударишься обо что-нибудь.

– Так что лапками, Хана, лапками, – сообщила она самой себе.

И первый раз слегка подпрыгнула.

Двухсоткилограммовый аватар весит на Лютении всего килограмм, но инерция у него никуда не девается.

Так что Хана отталкивалась не сильно, но продолжительно. Так, чтобы постоянно быть в движении вверх, по изломанной траектории, медленно, но верно поднимаясь из расщелины.

И, на половине дороги, фонарь высветил широкую полосу, серебристо блестящую металлом.

– Стоп машина! – скомандовала себе космолетчица.

Вцепилась левой рукой в каменный уступ.

Сосредоточилась над очень странным действием.

Она называла такие вот операции: «махать хвостом».

Все операторы, помимо обычных движений, разучили ряд особых команд. Они подстраивались индивидуально и у каждого были своими.

Кто представлял, что выращивает и машет крыльями, кто шевелил ушами или действительно махал воображаемым хвостом.

А вот Хана...

Как вы думаете, чем она двигала?

Почти угадали!

Семью тентаклями, растущими...

В общем, кибернетист экспедиции, осуществляющий калибровку, так и не смог сдержать приступ истерического смеха.

Но зато владела Хана воображаемыми... щупальцами... в совершенстве, и на них можно было повесить чуть ли не сотню специфических команд.

В реальности хватило десятка.

Например, третий тентакль вправо – и из руки робота выскользнул тоненький бур, сколупнул несколько металлических крошек в контейнер для проб.

– Федя! Я тебе подарок несу! – воображаемо соединив первый и второй тентакли в форме сердечка и, тем самым переключившись на обычный радиообмен с мужем, сообщила Хана.

– Ты, главное, саму себя принеси! – проворчал муж. – А то пропала с радаров, как под Лютетию провалилась.

– Угадал. Тут трещина глубокая, а в стене что-то блестит.

– Как? – оживился планетолог.

– Серебристо. Думаю, твои любимые платиноиды.

– Пробу взяла?!

– Я же сказала о подарке, – чуть обиженно ответила космолетчица. – Мог бы и догадаться.

– Я твоего аватара расцелую!

– Не вздумай! – завопила Хана. – А то я сейчас все выкину.

И пояснила:

– Я ревнивая.

– Ладно, придется тебя расцеловывать. Может тебя разбудить, как спящую царевну?

– Э-э... Федоро-сан, Хана-тян, вы всю работу на станции парализовали, – пожаловался голос дежурного. – Все только вас и слушают.

– Упс! – произнесла Хана и сообщила: – А вот я и выбралась!

Последним прыжком она выскочила, как чертик из коробочки, из расщелины, взлетела на добрые десять метров над поверхностью и, не останавливаясь, попрыгала в сторону ближайшего поста, где можно поставить аватара на подзарядку, а пробы поместить в анализатор.

Вот так и было найдено весьма богатое месторождение осмия. Сейчас Федор собирался собственнотельно его обследовать.

Пользоваться аватаром там было неудобно, слишком большая вероятность угодить в тень от валунов и потерять контакт. Проще самому в скафандре спуститься.

Они с Ханой подпрыгали к краю расщелины вместе. Там космолетчица уселась на краешек, свесив ноги, а ее муж неторопливо пополз вниз. Вскоре он добрался до поблескивающей металлическими вкраплениями жилы. Полюбовался на редкий минерал и спустился еще метров на тридцать.

Зацепил за угловатый выступ тонкий тросик, повис на нем и принялся за работу. Надо было закрепить на камнях три мины – небольшие цилиндрики с взрывчаткой.

– Меня хорошо слышно? – спросил Федор у Ханы.

– Прекрасно, – отозвалась та.

– Вот и замечательно, – пробормотал планетолог, прилаживая мину к каменному уступу и активируя радиовзрыватель.

Перебрался метров на пять в сторону.

– А теперь?

– Не очень, сдвинься немного. Ага, вот так.

Хана, там, на краю уступа, повесила «паучка», и надо было, чтобы транслирующийся через него сигнал гарантированно достал до мин.

Федор приложил цилиндрок с зарядом к стене, но, не очень ловко. Усилие было слишком большим, и тросик страховки соскочил.

Мужчина, словно во сне, увидел, как скальная поверхность уплывает от него.

Попробовал дотянуться, но пальцы в толстой перчатке только скользнули по камням.

«Вот же!» – подумал он, прижимая к животу мину. Она не может взорваться от удара, но инстинкт так просто не победить.

– Ты как там? – встревожилась Хана.

– Нормально. Лечу.

– Тебе помочь?

– Нет. Ой! Это я затылком приложился.

– Береги мозг.

– Спасибо, родная. Ух!

Это Федор упал в слой пыли на дне расщелины.

– Купаешься, и без меня, – подпустив в голос обиды, вздохнула Хана.

А Федор лежал, погрузившись в клубящуюся мглу, и прижимал к себе взрывчатку. Часто-часто стучало сердце.

«Хорошо, что я не Лютеции. И спасибо создателям этих скафандров».

Для работы на астероидах японцы разработали новые скафандры, гораздо тяжелее обычных. Вся внешняя поверхность была из особого полимера, упругого и невероятно прочного.

Говорили, что он держит пистолетную пулю. Так что порвать ткань, свалившись с какой-то жалкой сотни метров, было невозможно.

Но чувствовать себя жуком, упавшим на спину в тарелку с киселем, было неприятно.

Федор осторожно поднялся, прилагая совсем слабенькое, но постоянное усилие, взглянул вверх на смыкающиеся стены, убрал мину в контейнер и полез обратно.

Взорвали заряды они уже из «Ласточки», после того как взлетели и удалились на приличное расстояние.

Три беззвучные вспышки одновременно озарили край разлома.

А сейсмические датчики, которые космолетчики установили заранее, уловили акустические сигналы, распространяющиеся в породе.

Теперь у Федора и Оомори-сана будет куча информации, которую надо проанализировать. Определить размеры и конфигурацию месторождения.

Очень возможно, что следующая экспедиция на Лютецию уже начнет разворачивать здесь еще один добывающий робото-комплекс.

Приятно обеспечить сменщиков интересной работой.

Глава 15. Обычные люди

02.06.2053.

Звездный городок, Московская область.

Все-таки четверка.

Я надеялась, что вытяну экзамен по математике. Но 72 балла – это 72 балла.

Киберэкзаменатора не обманешь, и глазки ему не состроишь. В стародавние времена, когда экзамены принимали живые учителя, было проще. Хотя, вообще-то, строить глазки я не умею. Да и кому нужны мои черные и немного раскосые гляделки? И нерешенная задача по геометрии сама собой не напишется. А в теоремах я плавала, как в теплом Черном море.

Так что получила я именно то, что заслужила.

Тетя Настя вечером вздохнет или даже поморщится.

Она никак не в состоянии понять, как можно не разбираться в математике. Это ведь для нее все равно, что дышать.

Но я не она. Я обычная тупая девятиклассница. И сколько ни корпела над домашними заданиями, как внимательно ни слушала Марию Федоровну, не лезет в меня эта наука, и всё!

Так что вышла я из школы расстроенная и злая на себя и на весь мир. Нет, в десятый класс я, разумеется, пойду. Русский и историю завалить просто невозможно. Тут уж мне непонятно, каким образом тот же Андрейка умудряется делать по десять ошибок на странице и не запоминать всякие интересные исторические события.

На спортплощадке крутится на одном из «космических тренажеров» одинокий старшеклассник.

Ну да, так я и поверила, что Артему больше нечего делать, кроме как тренироваться в это время.

Меня поджидает.

Заметил, остановил вращение и упругой походкой направился встречать. Его вестибулярный аппарат как у робота. Зато меня заставляет вращаться на тренажерах до потери пульса. Специально следит, зараза. Скорей бы уже уехать в Ялту. Хотя, кого я обманываю. Не хочу я от него уезжать. Совсем даже наоборот.

– Не получилось? – спросил парень, внимательно глядя на мое лицо.

– Четверка! – чуть ли не радостно отвечаю ему.

– Надо было не кочевряжиться, а согласиться со мной позаниматься! – без капли сочувствия наставительно говорит будущий великий космонавт и круглый отличник.

– Ага, можно подумать, ты математику знаешь лучше тети Насти!

– Не лучше, конечно, – отвечает он неторопливо так. – Но она в школе давно училась, а я всего на год тебя старше.

– Чего уж теперь об этом говорить, – я отвожу от него взгляд и смотрю вверх деревьев. – Может быть в следующем году попрошу тебя помочь.

– Заметано! – широко улыбается Артем. – Ты сейчас куда? Домой?

– Да, побреду.

– Давай провожу?

– Не надо, я хочу в гордом одиночестве попереживать поражение.

– Ну, как знаешь, – чуть угасает парень. – Тогда я пойду, еще потренируюсь.

Я вяло махнула ему рукой и пошла в сторону дома.

Мне стало обидно, что Артем не настоял на своем предложении.

Может быть, на лесной тропинке он бы решился на что-нибудь. От этих мыслей мне сделалось одновременно волнительно и страшно. Ну да, я та еще трусиха. Вот прошлым летом

на бедного Славика чуть ли не вешалась. Но это, наверное, потому, что прекрасно понимала, что молодой космонавт ни на какие мои провокации не поддастся.

По целым трем причинам.

Во-первых, я для него была мелкой девчонкой. Во-вторых, он слишком сильно уважает тетю и дядю. А, в-третьих... В-третьих, где-то есть эта самая Подводница. Интересно все-таки, кто она, и почему мучает такого замечательного человека?

Но я так и не решилась его об этом расспросить. А этим летом Станислав Бойченко, наверное, к нам в гости в Ялту не приедет. У него в ноябре старт на Луну.

Ему не хватает времени даже изредка со мной поболтать по комму. А в кафешку я его раскрутила себя пригласить только один раз, в конце прошлой осени. Зато посидели хорошо.

Все-таки, кто эта Подводница?

В общем, мысли мои уплыли от экзамена в какие-то романтические дали.

Повинуясь настроению, я не пошла по главной аллее, а сразу же свернула на дорожку, ведущую мимо поселковой администрации к Центру. На КПП послушно посмотрела в глазок, сверяя сетчатку глаза, под внимательными взглядами крепких бойцов с малиновыми погонами прошла через металлодетектор и вошла в особую зону.

Это для других она особая, а для дочери, вернее, воспитанницы начальника Центра подготовки космонавтов, это просто возможность срезать лишние несколько сотен метров по пути домой.

Людей было совсем немного, наверняка идут всякие занятия и тренинги.

Но, как назло, или прочитав моим недавние мысли, на скамейке возле медкорпуса сидел темноволосый мужчина в темно-синей форменной рубашке.

– Привет! – поздоровался Славик.

– Здравствуй, – немного сумрачно ответила я.

– Давно не виделись. Ты из школы?

– Ага. Математику слила.

– Что, совсем? – прищурился молодой человек.

Я уселась рядом с ним на нагретые солнцем доски скамейки. Лаконично сообщила:

– Четверка.

– Мда, – глубокомысленно высказался Станислав.

– «Таких не берут в космонавты»? – процитировала я старенькую песню, которую любит тетя Настя.

– Ну, у тебя еще есть время все исправить. Целых два года школы. И потом, когда это ты решила космонавткой стать?

– Никогда, – отозвалась я. – Просто обидно.

Мы немного помолчали, впитывая июньское тепло.

– Славик, а скажи, ты всегда был отличником?

– Нет, в младших классах всякое бывало. Но, когда заболел Марсом, подналег на учебу.

– А я вот не болею, – с какой-то злобой на саму себя сказала я. – Здоровая кобыла.

– Это почему кобыла? – озадачено спросил он, оглядывая мою худосочную фигурку.

– Я в год лошади родилась, – сообщила я. – То есть, еще змеей, но это не считается.

– Да нет, змеюка из тебя хорошая, – усмехнулся космонавт.

– Ш-ш-ш! – я растопырила на него пальцы и наклонила голову, оскалив зубы.

– Только не кусаться! – Славик отодвинулся.

– Так я же любя! – успокоила я его.

– Мне змеиный яд противопоказан!

– А жаль.

– Майка, ты ведь домой идешь, да? – спросил Станислав. – Давай, я тебя провожу.

– Вот еще! – возмутилась я.

И почувствовала легкую панику. Ну чего это все парни, которые мне нравятся, хотят меня по темному лесу провожать? То есть лес у нас светлый, березовый и сосновый, но все равно.

– У тебя наверняка времени на такие глупости нет, – чуть смущенно сказала я, – по секундам ведь все расписано.

– Ага, – кивнул Бойченко. – И сейчас у меня еще сорок одна минута отдыха. Как раз довести тебя до дома и прибежать обратно.

– Нет уж! Сиди и впитывай солнечную энергию! – отказалась я. – Никто меня не украдет. Я по этим тропинкам два раза в день хожу. Сам знаешь, как КГБшники следят за всей округой. Ни один маньяк не проползет.

– Ну, как хочешь, – вздохнул Славик. – Я просто хотел поболтать с тобой, а то давным-давно не виделись.

– Просто болтать неинтересно, – сказала я и показала ему язык. – Вот если бы действительно на меня напал какой-нибудь леший, и ты бы меня спас, тогда, другое дело. Я бы тогда распахнула тебе свое девичье сердце, и все остальное в придачу.

– Майка! – рассмеялся Славик. – Откуда у тебя такие извращенные фантазии?

– Это не фантазии, а мечты, – сообщила я. – Ладно, пойду потихоньку. Благодарствую, сударь, что улучшил настроение. Если бы еще поцеловал, так вообще бы всю депрессию снял.

– Брысь! – парень поднял перед грудью ладони.

Я легко соскочила со скамейки, еще раз высунула кончик языка. Попрощалась:

– Пока!

– До встречи! И спасибо!

– За что? – осведомилась я, остановившись.

– У меня сегодня серьезный психологический тест. Думаю, благодаря тебе я его пройду без проблем.

И Славик улыбнулся мне. Хорошо-хорошо, так, что даже сердце пропустило удар.

«Все-таки, кто эта злобная Подводница?»

Пока я шла по тенистой тропинке, которую протоптали за несколько лет тетя, дядя и я с Андрюшенцией, то думала: «Почему я не могу применить к Артему хотя бы капельку того кокетства, что вываливаю на бедного Славика?» Наверное, потому, что чувствую, стоит мне это сделать, и мы тут же станем парочкой. А я до ужаса этого боюсь. Дура.

Дома был только Андрей.

Если бы я не встретила Славика, то пришла бы мрачная и злая. И, скорей всего, наорала на сводного брата, выгнала его из детской, забралась на свой второй ярус кровати и валялась бы там до вечера.

Но пикировка с новоросцем излечила меня от хандры.

Я заглянула в нашу комнату.

Андрюшенция сидел в кресле со шлемом виртуалки на голове. Опять, небось какую-нибудь стратегию или лайфсимулятор гоняет.

Я подошла и бесцеремонно постучала по выпуклому пластику.

Мальчик протянул вперед руки, заперебирал в воздухе пальцами по видимой ему одному виртуальной клавиатуре.

Замер на пару секунд и стянул шлем.

Посмотрел на меня обиженно и виновато. Сейчас, с топорщащимися во все стороны короткими темно-русыми волосами, он походил на воробьяныша.

– Что надо сказать анэ-сан, которая вернулась после битвы с математикой? – строго спросила я по-японски.

– Ой! Здравстуй! – он потупился и тише спросил: – Ты победила?

– У нас было грандиозное сражение, – ответила я, плюхаясь на соседний стул и переходя на русский. – Враг был разгромлен и позорно бежал. Но он серьезно меня ранил. Так что только четверка.

– Ага, – вздохнул паршивец, который с трудом, но вытянул в этом году геометрию на пятерку.

– В общем, рыцарю Майе нужно лечение и восстановление манны, – сообщила я. – Пошли на озеро.

– У-у, – тихонько простонал этот домосед. – Я только начал в циву играть...

– Не уйдет она от тебя! – отрезала я. – Игра пошаговая, ты в нее месяцами играешь, так что хватай плавки и топаем! Я бутеры нам накрою, газировки в сельмаге купим.

Вода в Орловском карьере была зеленоватая и пахла тиной, а дно устилал толстый слой ила. Он холодными липкими лапками охватывал ступни. Но мне это почему-то нравилось. Конечно, не море, но есть что-то особенно приятное в купании в пресной воде.

Если перебороть лень, то можно было бы обойти озеро с юга и устроиться на песчаном пляже. Но мы не стали этого делать, а покидали свои одежки под кустом, росшим рядом с забором бывшей дяди Игоревой дачи. Дядя, когда построил дом в Голубом Лесу, продал ее своему другу Ашоту Оганесяну. Сейчас во дворе жарил шашлыки компания во главе с сыном космонавта – дядей Левоном.

Он приветливо с нами поздоровался и сообщил:

– Мясо минут через двадцать будет! Идемте к нам!

– Спасибо! – хором поблагодарили мы.

Быстро переглянулись, и я сказала:

– Мы по-быстренькому окунемся и придем!

Живот предательски заурчал. По-любому шашлыки лучше бутербродов!

Домой мы вернулись уже под вечер. Наплававшиеся, назагорававшиеся и сытые до такой степени, что меня можно было катить. Дядя Левон нам еще с собой пакетик с мясом дал: «Для родителей». Так что можно с ужином не заморачиваться. И это правильно!

Андрейка тут же намылился обратно в виртуалку, играть в свою цивилизацию.

Я даже немного обиделась на него за это. Пока плавали и дурачились в воде и болтали во время пожирания шашлыков, я почувствовала, как между нами какие-то тоненькие ниточки протянулись. Ведь, если честно, то Андрюшенцией я его называю по привычке. Он все-таки хороший, хотя иногда меня и выбешивает своей бесконфликтностью, перерастающей в амёбоподобность и добротой, граничащей с идиотизмом.

– Слушай, тебе что, виртуалка дороже сестры? – спросила я его, уперев руки в боки.

– Нет, прости... – потупился Андрей. – Но там так интересно.

– Хорошо, что у нас нет капсулы, – хмыкнула я. – А то бы ты из нее не вылез.

– Жалко, что нет, – согласился Андрей. – У нас в Токио целых две. И мама обещала специально для меня еще одну купить, чтобы можно было втроем ходить.

– Буржуи! – возмутилась я.

– А что тут такого?! – вступился за родителей Андрей. – Они ведь своим трудом деньги зарабатывают. А почему тетя и дядя не купят капсулу?

– Тё-Настя принципиально против, – вздохнула я. – Она считает, что реальный мир гораздо интереснее придуманного.

– Да, но в реальном мире мечом не помашешь, и по всей Земле не попутешествуешь, – не согласился названный брат.

– Я тоже так думаю. Ничего, когда вырасту, обязательно себе куплю! Если без фанатизма, как в Европе или восточной Америке, то вполне можно пользоваться. Я так считаю.

– Угу, – кивнул Андрей.

– Ладно, играй в свою циву! Пойду, посмотрю чего-нибудь.

Я устроилась в гостиной. Там самая большая видеостена. И взялась досматривать «Лунный дождь». Вот в чем тетя Настя преуспела, так это в том, что подсадила меня на анимэ. Когда у нее бывает свободное время, мы вместе глядим что-нибудь. Странно, конечно, в эпоху интерактивных 3Д-визуализаций смотреть плоские нарисованные мультики. Но в них есть что-то особенное, что цепляет за душу.

Я как раз досмотрела шестнадцатую серию, когда вернулся дядя Игорь.

Я метнулась на кухню, поставила греться мясо и принялась крошить салат.

Он уселся за маленький кухонный столик, устало откинулся на спинку диванчика и спросил:

– Ну как? Чуда не случилось?

– Нет, – ответила я.

– Настя тебе устроит головомойку.

Я только пожалала плечами. Залила накромянные ломтики помидоров, огурцов и измельченный лук с зеленью сметаной и пододвинула еду к дяде.

Уселась напротив и сумрачно спросила:

– Дядя-Игорь, вот что мне делать?

– Готовиться к русскому? – поднял он вопросительно бровь.

Это у них с тетей одинаковая привычка. Они вообще невероятно близки друг к другу, как будто один человек в двух телах.

– Я, вообще, – пояснила я. – Чем заняться в жизни, раз я такая бездарь?

– Чем захочешь, – чуть невнятно из-за набитого рта ответил дядя.

– Скажешь тоже, – хмыкнула я. – Академиком вот не стану. И космонавткой тоже. Может, в дворники податься. Говорят, в маленьких городках еще сохранились не кибернетические.

– Там знаешь какой конкурс?! – поддержал мою шутку дядя. – А если серьезно, то ты обычный средний человек. Как и я.

– Ты?! – я аж глаза округлила.

– Ну да. В школе учился тоже на четверки в основном. В училище поднажал, но потому, что уж очень хотел летать. Потом внезапно меня командование послало сдавать экзамены в отряд космонавтов. А там чисто, кому повезет, ну, и у кого сильнее мотивация, прошли. Потом пять лет ждал своей очереди. Слетал два раза на Луну извозчиком. Да тебе это прекрасно известно.

– То есть тебе просто повезло?

– Нет, конечно. Понимаешь, Майка, нам, средним, чтобы исполнить мечты, надо изо всех сил стараться. Большинство этого не делает. Махнет рукой, повздыхает о недостижимости устремлений, и забывает их. В лучшем случае находит себе более-менее комфортную нишу, обустраивает свой мирок и на этом останавливается.

– А в худшем?

– В худшем опускается. Становится алкашом, наркоманом или погруженцем.

– Вы потому против капсулы?

– И по этому тоже. Вон в Атлантической конфедерации чуть ли не половина населения – погруженцы. Многие из виртуальности даже и не выходят, подключают внутривенное питание и лежат там месяцами.

– Но у нас ограничения вшиты на продолжительность.

– Любой блок можно снять. Знаешь, какой рынок у хакеров? Но эти люди вредят прежде всего сами себе. Хуже те, кто, не видя возможности самореализоваться, озлабливаются и пытаются испортить жизнь окружающим. Поднять свое эго за их счет.

– Это ты про Кабана с компанией?

– Да.

– Нам рассказывали, что в Китае таких почти не осталось из-за «баллов гражданина». Почему у нас в стране их не введут? – спросила я.

– Китай – это особый мир. У них за всеми и за всем следят, и каждый поступок оценивают, добавляя или отнимая баллы. Поэтому, все постоянно стараются делать хорошие дела и опасаются совершить малейшее правонарушение. Такое вот счастливое общество из-под палки. На Западе, наоборот, верят в ценность Свободы с большой буквы. Правда, попробуй в Германии или Англии сказать что-нибудь неполиткорректное, или обозвать гея педерастом... Вот где полнейшая свобода – так это в Американском Союзе. Что хочешь говори, во что хочешь верь, что угодно твори. Но не обессудь, если и другой, в своей свободе, тебя, забравшегося к нему в дом, из дробовика угостит.

– И правильно! А то Артему, не вмешайся ты, могли бы и срок дать!

– Могли бы, – кивнул дядя. – Потому что наша страна, так же как и многие другие, вроде той же Японии или Франции, выбрали средний путь. Мы даем людям свободу совершать хорошие и плохие поступки, но требуем за это ответственности. А всеобщий контроль заменяем воспитанием. Более того, у нас, а еще больше, в Новороссии, еще и допустимый риск признан. Особенно для подростков. Всякие походы по диким местам, экстремальный спорт и прочее. Знаешь, сколько парней и девушек каждый год гибнет?

– Знаю, около трех тысяч. По общественному учили.

– Вот именно. Зато, люди учатся думать о том, что делают, рассчитывать риск, помогать друг другу. Мы держим нацию в тонусе.

– А вот если я с кем-нибудь в такой вот поход соберусь, отпустите?

– Конечно. А, может быть, подгадаем отпуск и вместе отправимся. Я вот давно уже на Байкал хочу, или по Карельским рекам-озерам поплавать дикарями.

– Ой! А давай этим летом, а?! Вместо Крыма, – загорелась я. – Как думаешь, ма... тетю Настю уговорим?

– Постараемся, – дядя улыбнулся на мою оговорку. А я смущенно отвернулась. Ну да, чуть не ляпнула: «мама».

– Так что, до... племянница, – подмигнул мне дядя Игорь, – не заморачивайся из-за не очень хороших оценок. У тебя еще все впереди и только от тебя зависит, какую цель ты себе поставишь и чего на этом пути добьешься. А математика... ты сама себя убедила, что не в состоянии в ней разобраться. Мозг у тебя точно такой же, как у нашего членкора. А вон, кстати, и она, легка на помине! Грей остальное мясо. Сама знаешь, как ма... тетя вкусно поест любит.

Глава 16. Битва интеллектов

10.12.2052.

Дели, Индия.

– Разрешите? – раздалось от двери кабинета.

Киран поднял глаза и уставился на двоих господ, одетых в безукоризненные деловые костюмы.

– Чем обязан? – недоуменно спросил он. У директора Института искусственного интеллекта на это утро не было запланировано никаких визитов.

– Сатиш Халанг, – представился пожилой темнолицый господин, – Начальник сектора автоматических систем отдела безопасности движения дорожной службы Большого Дели. У нас к вам очень срочное и наиважнейшее дело.

Киран откинулся на спинку кресла. Его округлый животик, обтянутый белой сорочкой, выбрался из распахнувшихся пол не застегнутого пиджака. Да, сорокалетний возраст и сидячий образ жизни не способствовали сохранению стройности бывшего космонавта.

– Рассказывайте, – коротко попросил он. Указал рукой на гостевые креслица.

Господа из дорожной службы уселись, и Сатиш принялся излагать проблему:

– Три дня назад на дорогах мегаполиса начали происходить аварии. То есть частота аварий стала постепенно увеличиваться. Причем, транспортная полиция удивилась, что совершают ДТП автоматические машины, которые всегда считались на два порядка безопаснее тех, которыми управляют люди. Мы забили тревогу, начали принимать меры. Сначала подумали, что кто-то перехватывает управление автомобилями на трассах. Но вчера, когда частота происшествий в двести раз превысила норму, мы поняли, что это не так. В это время к нашим усилиям подключилось Центральное бюро расследований.

– Ганеш Кадамканад, – запоздало представился второй господин со смутно знакомым Кирану лицом. – Полковник безопасности, отдел «К».

Киран вежливо ему кивнул, вспомнив, что видел этого офицера в офисе киберполиции, куда он регулярно заходил.

– Мы пришли к выводу, что это киберпреступление, – сообщил Ганеш.

– Трудно было бы что-то другое подумать, – вздохнул Киран и перешел на жесткий тон: – Внешние коммуникации?

– Проверены, – в тон ему сухо и быстро ответил полковник.

– Внутренние терминалы?

– Аналогично. Полный контроль.

– Пытались полностью отключать интерфейс аппаратными методами?

– Час назад. Количество аварий продолжает расти.

– Есть закономерности?

– Да, самые серьезные происшествия как будто специально подготовлены, но есть и явные импровизации.

И Киран задал главный вопрос:

– Девдас?

– Руководство отдела считает, что да. Он начал странно себя вести. Хотели его отключить, но я потребовал, чтобы сперва проконсультировались с вами. Что скажете?

– Ни в коем случае! – воскликнул Киран.

Он наклонился к столешнице, пропорхал над ней пальцами левой руки. На проявившемся из рисунка мореного дуба экранчике появилось лицо темноволосого парня.

– Тимур, спускайся вниз! Едем в мэрию.

– Что с собой брать? – осведомился парень.

– Мозги, – пошутил Киран.

С неожиданной ловкостью он выскользнул из кресла и побежал к дверям кабинета. Визитеры вынуждены были последовать за ним.

В экаре – каплевидном, однородно серебристом – их ждал водитель. Киран, Тимур и Сатиш разместились на заднем сиденье, а полковник безопасности на переднем.

Водитель разу же набрал приличную скорость и встроился в поток городского транспорта. Киран с удивлением заметил, что на лобовом стекле отображается лишь минимальная курсовая информация.

– Внешнюю навигацию отключили? – спросил он у начальника сектора автоматизации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.